

Джин Эдвард Вейз, мл.

ДУХОВНОСТЬ КРЕСТА

Путь первых евангелических христиан

фонд «Лютеранское Наследие»

WORLD WIDE PRINTING
DUNCANVILLE, USA

2001

**Перевод на русский язык и публикаций данной книги выполнены
Фондом «Лютеранское Наследие»**

Переводчик: *Ольга Розенберг*

Редактор русского текста *Алексей Комаров*

Теол редактор *Магистр богословия, пастор Александр Бите*

Все права на русский перевод принадлежат фонду «Лютеранское Наследие» Ни одна часть этой книги не может перепечатываться, копироваться, храниться или передаваться механическими, электронными, фотографическими, магнитными или любыми другими способами без предварительного письменного разрешения Фонда

Культурно-просветительский Фонд «Лютеранское Наследие» 127521 Москва а/я 11

ISBN 1-58712-064-X

The Spirituality of the Cross, by Gene Edward Veith Copyright © 1999 Concordia Publishing House 3558 S Jefferson Avenue, St Louis, MO 63118-3968

The Spirituality of the Cross Russian version Copyright © 2001, Lutheran Heritage Foundation, P O Box 46, Sterling Heights, MI

Духовность креста (на русском языке) Все права сохранены © 2001, Фонд «Лютеранское Наследие», P O Box 46, Sterling Heights, MI 48311

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ:

ПЕРВЫЕ ЕВАНГЕЛИЧЕСКИЕ ХРИСТИАНЕ 3

ОПРАВДАНИЕ:

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ГРЕХА И БЛАГОДАТИ 16

ДЕЯНИЕ БЛАГОДАТИ:

ПРИСУТСТВИЕ БОЖИЕ 31

БОГОСЛОВИЕ КРЕСТА:

СОКРЫТОСТЬ БОГА 58

ПРИЗВАНИЕ:

ДУХОВНОСТЬ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ 76

ЖИЗНЬ В ДВУХ ЦАРСТВАХ:

ДУХОВНОЕ И МИРСКОЕ 100

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

ПОКЛОНЕНИЕ БОГУ 119

ПРИЛОЖЕНИЕ:

ПЕРВЫЕ ЕВАНГЕЛИЧЕСКИЕ ХРИСТИАНЕ И ДРУГИЕ ЦЕРКВИ 125

ВСТУПЛЕНИЕ:

ПЕРВЫЕ ЕВАНГЕЛИЧЕСКИЕ ХРИСТИАНЕ

Многие из нас ищут духовной жизни, не всегда понимая, что это означает. Мы жаждем воспарить, но вновь и вновь шлепаемся на землю. Разнообразные мистические течения обещают необыкновенное познание и духовную силу, но после этого никто не живет «долго и счастливо». Вмешивается повседневная жизнь: работа, семейные неурядицы, повседневные обязанности, боль и неудачи — все это так или иначе влияет на духовное состояние.

Церкви, которые, казалось бы, являются хранительницами духовности, зачастую не отличаются особой духовностью. Нередко в них тоже проникают мирские отношения. Круг местных служителей, посещение церковных служений и общинных собраний могут казаться такими заурядными. Разве духовность не представляется чем-то более захватывающим?

Так, по крайней мере, было со мною. В разные периоды своей жизни я увлекался либеральным богословием, безоговорочно принимая все, что считалось передовым, и сражаясь за социальную справедливость. Был я и неистовым фундаменталистом, живя в постоянном ожидании чуда. Мой либерализм, однако, оказался пустым, а фундаментализм — поверхностным. Я погрузился в медитации, пока не постиг все, что обещает буддизм, а именно — пустоту. Как мистицизм, так и позитивизм принесли лишь горькое разочарование.

Я искал духовную систему, которая охватывала бы все человеческое бытие, реалистическую духовность, не отрицающую физический мир и обыденную жизнь, но преобразующую их.

Я нашел ее в Христианстве, религии, смысл которой не в Боге как таковом, но в Боге воплощенном и Боге распятом. Существует множество разновидностей Христианства, множество духовных традиций внутри одной исторической веры, но все они сконцентрированы вокруг тайны воплощения и искупления.

Клайв Стейплз Льюис, оказавший сильнейшее влияние на мою веру, писал о «просто христианстве»¹, концентрируя внимание на том, что является общим в богословии различных христианских течений. Этот наименьший общий знаменатель, по его мнению, является прихожей, ведущей из внешнего мира в дом веры. Однако, далее он говорит, что тот, кто намерен жить в христианстве, должен из прихожей перейти в одну из комнат. «Именно в комнате, а не в прихожей горит огонь в камине, расставлены стулья и накрыт стол». Иными словами, христианин должен присоединиться к какой-либо церкви.

Но и здесь меня поджидали разочарования. На мой взгляд, ни одна из известных мне поместных общин не являла собой того христианства, которое я открыл для себя в книгах. Частично причиной тому стала моя незрелость, — многие христиане бывают разочарованы в реальных церквях из-за своей приверженности неосуществимым идеалам и несовместимости богословских взглядов с обыденной жизнью. По словам того же Льюиса, новообращенные христиане часто представляют себе церковь собранием людей в тогах и сандалиях, а не таких же, как они сами. Но справедливо также то, что в «комнатах» христианского дома иногда не хватает огня в камине и накрытого стола.

Каждая разновидность Христианства отличается некой духовной традицией или особым учением. Наивно также было бы отрицать, что везде есть свои проблемы и свои отклонения. Именно на этом этапе поиски христианской духовности часто заходят в тупик.

Еще одна современная нелепость заключается в том, что многие из этих традиций сегодня трудно отыскать. Разнообразные христианские традиции, основанные Фомой Аквинским, Кальвином или Уэсли, отличные друг от друга, но по-своему «здравые», постепенно сливаются в единое безликое поп-христианство. Словно множество льюисовских комнат вдруг оказываются совершенно одинаковыми, в них подают одну и ту же пищу, наскоро приготовленную и упакованную в пластик, там звучит одна и та же фонограмма, комнаты украшены одинаковыми искусственными цветами и ковровым покрытием. Это новое популяризованное христианство имеет плоский бесцветный вид, исполнено добрых чувств, но лишено содержания. В то же время, сокровища и откровения исторических традиций Церкви почти забыты.

Эта книга об одной из христианских духовных традиций, — о той, где я наконец обрел такие отношения с Богом, к которым всегда стремился. Эта книга — введение в лютеранскую духовную традицию — веру, сосредоточенную на кресте Иисуса Христа, веру, которая в состоянии полно и честно охватить всю духовную жизнь, и откровения которой проникают глубоко в «мелочи» повседневной жизни.

ПЕРВЫЕ ЕВАНГЕЛИЧЕСКИЕ ХРИСТИАНЕ

«Лютеранскую» духовность лучше было бы назвать «евангелической» духовностью. Термин «евангелический» происходит от греческого слова *εὐαγγέλιον*², что буквально переводится как «благая весть». Определение «евангелический» характеризует того, кто предан Евангелию Иисуса Христа, Благой Вести о том, что Христос Своими смертью и воскресением обрел прощение для грешников и предлагает нам дар спасения.

1 Имеется в виду книга К. С. Льюиса «Просто христианство». — *Прим. ред.*

2 «Евангелие» . - *Прим. ред.*

Сегодня термин «евангелический» употребляется в отношении множества различных более или менее консервативных протестантов. Несмотря на все свои различия, баптисты, харизматы, кальвинисты, уэслианцы и разного рода «парацерковные служения», не принадлежащие к определенным деноминациям, действительно проповедуют спасение во Христе и придают особое значение благовестию, так что применение данного термина вполне оправданно. Однако первоначально слово «евангелический» означало: «лютеранский»

После Реформации «евангелическими христианами» называли последователей Лютера, в противоположность «реформатам» — последователям Кальвина. (Результатом последующих попыток объединить эти две группы стала Евангелическая и реформатская церковь — в настоящий момент одна из американских деноминаций.) И сегодня в Европе церкви, исповедующие лютеранство, называют себя не «лютеранскими» — этот термин был отвергнут самим Лютером, который не хотел, чтобы Церковь Христова называлась его именем, — но «евангелическими». Американское употребление этого термина по отношению к любому библейскому христианину, проповедующему спасение, постепенно проникает и в Европу, но американских туристов по-прежнему приводит в замешательство слово «*evangelische*», написанное на немецких и скандинавских церквях. Вместо бодрых песен и призывов к немедленному покаянию, в таких церквях их встречают хоралы и литургия.

Несмотря на то, что и другие могут называться «евангелическими христианами», лютеране были первыми, кто так себя назвал. Центром христианства всегда, с новозаветных дней, было Евангелие. В Средневековье — время, когда по твердому убеждению протестантов, Евангелие и его истинное понимание было искажено, — лютеран первых *назвали* евангелическими христианами. Они же вернули Евангелию значение, сделавшее его центром лютеранской доктрины и практики. Такое внимание к Евангелию, противопоставленное средневековому католицизму, сделало возможным все другие более поздние формы протестантизма. Евангелическое же Лютеранство сохранило свои особые отличия.

В своих духовных странствиях из религии в религию, из церкви в церковь — от самых либеральных до самых консервативных, — я открыл для себя Евангелие. Все больше углубляясь в эту Благую Весть, в ее сокровенный смысл, я обнаружил, что стал лютеранином. Эта книга отчасти является описанием моего странствия, но лишь отчасти. В основном она посвящена тому, в чем для меня — американца эпохи модернизма, или скорее постмодернизма — заключается неоценимая польза лютеранских духовных традиций.

Эти традиции мало известны в Соединенных Штатах, и в какой-то мере, к сожалению, исчезли из поля зрения даже американских лютеран. Однако они заслуживают внимания. Кроме всего прочего, учение первых евангелических христиан оказалось особенно значимым в связи с проблемами, тревожащими современных американских христиан, — оно предлагает реальные ответы на желания и устремления нынешнего поколения.

ДУХОВНОСТЬ И БОГОСЛОВИЕ

Эта книга не о богословии как таковом, но о «духовности». В каком-то смысле такое разделение может ввести в заблуждение. Сегодня многие говорят об отсутствии интереса к религии с ее учениями, символами веры и установлениями, проявляя при этом большой интерес к «духовности». Таких людей привлекают приятные мистические переживания, чувство значимости и благополучия без каких-либо неудобных требований к их мышлению, поведению и общественной позиции. Они ищут свойственных религии переживаний без присущей ей веры.

Люди, ограничивающие духовность рамками субъективного удовольствия, не имеющего ничего общего с объективной истиной, делают себя открытыми для любых суеверий и манипуляций, культов НЛЮ и дорогостоящих семинаров New Age. Фактически, духовность не существует без богословия, а религиозные переживания — без веры. Даже культы НЛЮ и семинары New Age продают не просто мистические впечатления, но цельные мировоззрения, предполагающие особые взгляды на природу реальности, лежащие в основе этих учений.

Потому «духовность» для меня — не бессодержательные, теологически пустые поиски сверхъестественных переживаний как таковых. Скорее «духовность» — это и есть то истинное содержание, которое наполняет абстрактное богословие, повседневные ритуалы и саму жизнь христианина.

Такие духовные искания, на мой взгляд, крайне важны и искренни. В условиях поверхностной и материалистической массовой культуры многие ищут глубины и насыщенности, стремясь вырваться за пределы обыденного. Слишком многие не находят духовного содержания в своих церквях, пораженных поверхностной потребительской американской поп-культурой и превратившихся в то, что можно назвать поп-христианством. Интересно, что воздействие поп-христианства медленно, но верно распространяется в более взрослых церквях, которые еще обладают неким духовным содержанием. В наше время наблюдается непрерывный отток людей из протестантских церквей в Римскую католическую и, что еще примечательнее, в Восточную православную церковь.

Как будет показано в этой книге, мнение, будто протестантизму не хватает жизненно важных традиций внутренней духовной жизни, несостоятельно. Однако справедливо то, что американская культура, особенно поп-культура, насаждаемая средствами массовой информации, заставила многих забыть о существовании протестантских духовных традиций. Исследование старейших, наименее

американизованных богословских и духовных традиций, несомненно будет полезно для христиан, пытающихся не утратить свою ориентацию. Любого протестанта обогатит возвращение к истокам, к наследию первых евангелических христиан.

Лютеране, по некоторым причинам, неохотно прибегают к прозелитизму — «краже овец» из других церквей, и не в этом я видел цель написания данной книги. Мне кажется, что каждый христианин сможет почерпнуть из источника лютеранских духовных откровений, хотя обязательно возникнут и разногласия. Но ведь влияние Кальвина распространяется далеко за пределы пресвитерианства, официально придерживающегося его учений. Оно определяет многое в практике баптистских и других церквей, члены которых разошлись бы с Кальвином в частности, признавая ценность его откровений. Лютер мог бы также быть полезен широкому кругу церквей. В решении вопросов, постоянно встающих перед христианами: участие церкви в политике, применение Святого Писания, жизнь в греховном мире и переносимые страдания, — Лютер, с его ясным видением этих проблем, заслуживает права голоса. В полной мере лютеранское понимание духовности открывается в повседневной жизни Лютеранской церкви.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что я пишу эту книгу как мирянин, не будучи ни богословом, ни пастором. Я постараюсь поделиться с такими же людьми как я, на понятном им языке тем, чем лютеранские традиции обогатили мою собственную духовную жизнь. При том что особое внимание, уделяемое духовности, ни в коем случае не отменяет значимости богословия, я постараюсь обойтись без специальных терминов, библейских обоснований, исторического анализа и споров с приверженцами других точек зрения, присущих полноценным богословским трактатам. Я почти ничего не собираюсь писать о жизни и временах Мартина Лютера, сколь бы занимателен ни был для меня этот предмет. Лютеранство — явление определено историческое, что подталкивает некоторых людей к мысли, будто вера лютеран основана скорее на Лютере, чем на Христе. Исследуемые в этой книге идеи и понятия одинаково актуальны для XXI и XVI века, а духовная пустота нашего времени³ придает им особую остроту. Я даже не собираюсь отстаивать эти идеи, по крайней мере, большинство из них. Не будет в моей книге и нападок на иные богословские учения или аргументов в пользу моего собственного. Моя цель — познакомить читателя с лютеранским пониманием духовности, которое впоследствии он сможет принять или отвергнуть, и создать у него определенное представление о великих христианских традициях.

Несомненно, догматическое богословие, библейские исследования и полемика с приверженцами противоположных взглядов имеет крайне важное, даже решающее значение. Лютеранские традиции сильны своими серьезно и тщательно разработанными богословскими положениями. Развитое богословие, изучение Библии и активная полемика — все это можно в изобилии найти у лютеран. Я буду указывать на некоторые из этих ценнейших богословских источников тем, кто пожелает глубже исследовать вопросы, затронутые в данной книге, изучить их библейские основания и то, как они соприкасаются с другими взглядами. Однако это не моя задача. Прежде всего, заинтересованные в более глубоком изучении могут обратиться к лютеранскому пастору, долг и положение которого дают ему возможность исцелять душу каждого конкретного человека, чего не может сделать ни одна книга. Ведь, в конечном счете, духовность — это жизнь, а не интеллектуальные рассуждения, и главное ее средоточие — Таинства, совершаемые в каждой поместной церкви.

ОПРАВДАНИЕ:

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ГРЕХА И БЛАГОДАТИ

В жизни мировых религий и стремлении каждого человека обрести смысл жизни возникают определенные схемы. Адольф Коберле различает три вида духовных исканий: морализм, при котором воля стремится к достижению совершенства в поведении; интеллектуализм, при котором разум стремится к совершенному познанию; и мистицизм, при котором душа ищет совершенства в единении с Богом. Несмотря на то, что каждый из этих путей содержит частицу мудрости, духовность в понимании Лютеран совершенно не похожа ни на один из них.

Не претендуя на возможность человеческого совершенства, лютеранская духовность исходит из признания несовершенства. Мы не в состоянии достичь совершенства в поведении, как бы ни старались. Мы не способны познать Бога лишь своим собственным разумом. Не можем мы достичь и единения с Богом. Лютеранство учит, что ничего подобного от нас не требуется, Бог делает все это за нас — Он соединен с нами в Иисусе Христе, Он открывает Себя нашему слабому пониманию в Своем Слове, Он прощает наши грехи и во Христе живет за нас совершенную жизнью.

Нам не приходится «дотягиваться» до Бога, Благая Весть заключается в том, что Он сошел к нам. Большинство философских и богословских учений сосредоточены на том, что именно людям необходимо сделать для своего спасения, Лютеране же настаивают, что в этом мы беспомощны, и Бог воистину совершает все за нас.

Человеческий грех и благодать Божия — вот два полюса духовности в понимании лютеран. Они, разумеется, неотделимы от всего христианства, но лютеранство придает им особое значение. Лютеране отстаивают принцип, которым церковь стоит или падает: оправдание по благодати через веру.

---

3 Имеется в виду конец века XX-го. — *Прим. ред*

ПУТИ К БОГУ

Различные пути приближения к духовной жизни, перечисленные у Коберле, заслуживают дополнительного внимания, чтобы еще отчетливее охарактеризовать позицию лютеран.

Человек, следующий по моралистическому пути, стремится заслужить благорасположение Божие или благополучную жизнь через нравственное совершенство. Он пытается во всем и всегда поступать правильно, держа себя под контролем лишь силою воли и чистою совестью. Несомненно, желание достичь праведности похвально, но отнюдь не усилиями человеческими.

Многие полагают, что морализм и составляет суть Христианства. Считается, что хорошие люди идут в рай, а плохие отправляются в ад. Христиане — это люди, ведущие высоконравственный образ жизни, избегая греха и делая добрые дела. Порой такие представления принимают форму незначительных повседневных решений — воздержание от алкоголя, курения и других мелких пристрастий, но иногда выражаются в посвящении себя высочайшим идеалам, попытках исправить недостатки общества путем политических и социальных преобразований.

Некоторые разновидности Христианства действительно тяготеют к морализму. Несомненно, нравственные учения присущи большинству мировых религий. В исламе существуют строгие нравственные правила для мельчайших нюансов повседневной жизни, включая употребляемую пищу, семейную жизнь и политику правительства. Даже далекие от религии люди зачастую встают на путь морализма. Защитники прав животных и окружающей среды, политические деятели в своем усердном стремлении добиться совершенства и в излишней требовательности не уступают самым консервативным религиозным проповедникам.

Морализм, однако, наталкивается на непреодолимые препятствия и противоречия. Люди не достигают, и, вероятно, не в силах достичь собственных же высоких стандартов, мы постоянно терпим поражение. Часто сами попытки нравственного самосовершенствования приводят к безнравственным действиям, — так, строгие моральные устои приводят нас к ненависти, насилию и вызывают чувство превосходства над другими. Кроме того, внутренняя мотивация зачастую сводит на нет наши благие поступки. Я могу вспомнить собственные «добрые дела», вознагражденные похвалами и признанием, но сопровождаемые внутренним недовольством, которое, как я вынужден был признать, не допускало и видимости моих «заслуг».

Увлечения извращенной человеческой воли и сокровеннейшие сердечные желания неизменно встают на пути самых лучших нравственных намерений. У моралистов часто возникает искушение тщетно скрывать свои чувства под маской лжи и логических обоснований. Вот почему морализм нередко сопровождается лицемерием — показной внешней праведностью, скрывающей происходящее внутри.

Еще одна попытка сглаживания разрыва между нашими нравственными устремлениями и невозможностью их достижения — вытеснение добродетели на периферию жизненных переживаний. При этом она сводится к голосованию за «хорошего» кандидата, поддержке правильных общественных позиций или помощи добрым начинаниям, в то время как наша личная или семейная жизнь терпит крушение. Мы низводим определение нравственного совершенства до чего-то достижимого и подвластного нам. Поступая так, мы чаще всего нарушаем действительно важные нравственные обязанности, касающиеся нашего поведения и отношений с окружающими нас людьми.

Еще одна присущая морализму проблема заключается в том, что праведность может обернуться самоправедностью, гордынею и чувством превосходства, которые делают совершенно бесплодную проявленную добродетель. Проблема не в том, что люди с самыми высокими нравственными устоями теряют почву под ногами. Сами по себе попытки прибегнуть к морализму оборачиваются грубостью, гордынею и даже жестокостью — качествами, едва ли характеризующими «хорошего» человека.

«Быть добродетельным человеком» — несомненно похвальная цель. Тем не менее, глядя правде в глаза, мы вынуждены признать, что никто не в силах полностью достичь этой цели. Нам не хватает силы воли, внутренних побуждений или внутренней чистоты для достижения нравственного совершенства.

Еще одним путем приближения к духовной жизни, кроме морализма, является интеллектуализм, предположение, будто познание — есть ключ к духовной самореализации. Разгадка сложности жизни, обретение истинного знания — вот что принесло бы нам удовлетворение. Отсюда сложные метафизические системы, попытки объяснить и разгадать все «почему».

Несомненно, стремление к познанию, как и стремление к нравственности, заслуживает всяческого уважения. И все же, на пути духовных исканий оно неизменно ведет в тупик. Человеческий разум слишком мал, чтобы охватить все сущее.

История человеческой мысли свидетельствует о постоянном изменении предлагаемых ответов и решений. Одна философская школа сменяет другую, и даже научные теории нуждаются в постоянном пересмотре. Представляется невозможным установить какие-либо истины как окончательные и непреложные.

Духовные истины, подобные познанию вездесущего и бесконечного Бога, потрясают наш разум. Перифразируя слова самарянки, колодец глубок, а зачерпнуть нам нечем (Иоан. 4:11).

Более того, интеллектуальные системы, выстроенные людьми, отражают скорее их желания, нежели объективную реальность. Идеологии, провозглашающие свою универсальность, зачастую становятся прикрытием для закулисной борьбы за власть, обмана и порабощения. Просвещение через Французскую

революцию породило террор и власть Наполеона. Псевдоосвободительные марксистские убеждения породили ГУЛАГ. Как и морализм, интеллектуализм часто приводит к гордыне, сознанию собственной избранности, презрению к обычным людям или надменности, отгораживающейся от окружающего мира. Тем временем истина все ускользает, сколь бы близко она ни казалась.

Но что принесло бы нам желаемое познание? Герой пьесы К. Марло «Доктор Фауст» за знание продал душу дьяволу. Когда же он окончательно уверился в том, что познал все что мечтал познать — законы небесной механики, спорные вопросы астрономии, высоту и глубину просвещенного разума, — знание, Доставшееся столь дорогою ценою, вдруг показалось ему бессмысленным, неспособным принести удовлетворение и не имеющим никакого отношения к его истинному духовному состоянию.

В поисках духовного озарения я и сам изучил бесконечное множество книг. Как и следовало ожидать, все они противоречили друг другу, и я остерегался доверять кому-то, чьи познания не превосходили мои, сколь бы мудрым он ни казался. Тем не менее, я продолжал погоню за знанием, игнорируя собственную жизнь.

Хотя морализм и интеллектуализм привлекают как людей религиозных, так и далеких от религии, возможно, наиболее притягательной «разновидностью» духовности в наше время является мистицизм: переживание экстаза единения с Богом. Вырваться из обыденной жизни и получить прямой доступ к небесному, оставив позади сей мир, вознестись к духовным обителям, воспользоваться сверхъестественными силами в своих целях — к этому стремились и стремятся мистики и духовные учителя всех религий. Способы достижения подобных переживаний различны, но каждый из них обещает духовный экстаз и обретение сверхъестественных способностей.

Проблема в том, что грань между «единением с Богом» и попытками самому стать Богом чрезвычайно тонка. Слияние с божественным может таить в себе самообожествление. Наиболее мистические религии, вроде Индуизма, и популярные разновидности светского мистицизма, например те, что составляют движение New Age, призывают к «богу внутри себя». Высшая точка в Индуизме — осознание того, что «Атман (бог внутри человека) и Брахма (трансцендентальное божество) едины». На семинарах движения New Age по самосовершенствованию внушают мысль, что «мы сами создаем свою реальность». Высшим открытием многих мистических систем является более или менее явное утверждение «я — Бог».

Христианские мистические искания, избегая подобных формулировок, все же подразумевают претензию на обладание сверхъестественными силами и способностями к чудотворению, когда Дух Святой непосредственно общается с человеком. Мистицизм оказывается в опасной близости с первым искушением змея: «Вы будете, как боги» (Бытие 3:5).

Даже не заходя столь далеко, мистицизм всегда содержит соблазн употребить Бога для собственных целей — получения чрезвычайных эмоциональных переживаний, достижения «духовных высот», обретения способности сделать свою жизнь более приятной. Таков путь магов, аферистов и подобных им духовных наставников. Ограниченность мистицизма заключается в самом представлении, будто Духом можно «овладеть». Даже в лучших своих проявлениях мистицизм не идет дальше внутренних эмоций, отгораживаясь от внешнего мира и живущих в нем. Так, по крайней мере, было со мною.

Каждое из этих традиционных устремлений к духовности предполагает напряженные человеческие усилия дотянуться до Бога, Который, как пассивный наблюдатель, далек от борений этой жизни. Он всего лишь цель, которой необходимо достичь, сокровище, которое необходимо искать, найти и обрести. Коберле отмечает, что эти три пути к духовности неотделимы от различных аспектов человеческого разума: морализм есть проявление воли; интеллектуализм — проявление умственных усилий; а мистицизм — плод усилий эмоциональных.

Духовность в понимании лютеран начинается с осознания того, что *всякие* попытки людей достичь Бога тщетны. Воля, по словам Лютера, находится в оковах, — мы не можем в совершенстве исполнять нравственный закон, и более того, в глубине души мы не хотим этого делать. Наш разум тоже пленен, он связан своей ограниченностью и испорчен греховной волею. В таком же рабстве находятся и наши эмоции, скорее уводящие нас прочь, чем ведущие к Богу. Далекие от восхождения к Богу, большую часть жизни мы бежим от Него.

Но Бог не пассивен, деятелен только Он, а не люди. Речь идет не о нашем восхождении к Богу, а о Его сошествии к нам.

В лютеранском понимании говорить о духовности можно лишь в отношении Бога. Ради освобождения людей, плененных грехом, Он сам стал Человеком. Богочеловек Иисус Христос достиг совершенства, к которому могли стремиться моралисты, и, умирая на кресте, принял наказание за нравственную несостоятельность каждого из нас. Духовная жизнь — это признание Божиих деяний, — того, что Он совершил на кресте, и того, что Он продолжает совершать в жизни людей Духом Своим Святым.

Если употреблять терминологию Коберле, то лютеране понимают духовность как ответ на нравственное побуждение человеческой воли Законом и Евангелием. Вместо тщетных интеллектуальных исканий, потребность человеческого разума в знании удовлетворяется Словом Божиим. Вместо мистического союза с Богом, переживаемого эмоционально, лютеране концентрируют внимание на единении Бога с людьми

во Христе и на чуде веры. В любом случае, все совершает Бог.

ЗАКОН И ЕВАНГЕЛИЕ

Обращаясь к Слову Божию вместо собственных умствований, мы обнаруживаем, что состояние наше гораздо серьезнее, чем предполагалось. Библия требует истинного нравственного совершенства. Она провозглашает высшие нравственные истины и говорит о нетерпимости Бога к любого рода прегрешениям. Требуя совершенства, Библия также раскрывает его суть. Не только поступки, но наши чувства и внутренние побуждения должны быть совершенно чисты. В Нагорной проповеди Иисус обличает не только убийство, но и гнев, не только прелюбодеяние, но и похоть, обещая за них равное осуждение (Матф. 5:21-30).

Закон Божий, изложенный в Писании, посрамляет и самого праведного моралиста. Обладая достаточной силой воли, мы можем контролировать свое поведение, хотя и в этом редко бываем последовательны. А как нам справиться с тем, что происходит внутри нас — с гневом, вожделением, эгоизмом, которые, если верить Библии, в состоянии свести на нет все наши добрые дела? Подобные чувства не подвластны нашей воле, они возникают против нее и, кажется, не поддаются контролю. Требуя праведности, Библия вместе с тем утверждает, что «вся праведность наша — как запачканная одежда» (Исайи 64:6). Мы узнаем о своем падении и соучастии во грехе Адама и Евы (Бытие 3). Одним стихом Новый Завет перечеркивает все разновидности духовности, придуманные людьми: «Нет праведного ни одного (конец морализму!); нет понимающего (конец интеллектуализму!); никто не ищет Бога (конец мистицизму!)» (Рим. 3:10-11).

Честный взгляд на себя в свете Закона Божия лишает нас ощущения довольства, покоя и какой бы то ни было самоправедности. Нас захлестывает чувство вины и ужаса перед вечным наказанием — адским пламенем, приготовленным для непокорных великой праведности Божией. Разумеется, наша первая реакция — отрицание всего, отстаивание собственной нравственности и незначительности своих недостатков, обвинение Слова Божия во лжи. Однако с авторитетом Библии трудно спорить, и в глубине сердца мы вынуждены признать правоту Закона Божия. Осознание своего бессилия и осуждения — первый духовный шаг для лютеран.

В понимании лютеран, Закон Божий «полезен» во многом — он сдерживает общественное зло, направляет жизнь христианина (обо всем этом мы будем говорить в последующих главах), но его «духовная цель» — проникать сквозь толщу нашего самообмана, заставляя нас осознать степень своей удаленности от Бога. Говоря библейским языком, Закон несет в себе «осуждение греха», ведущее к «покаянию».

Язык духовности так часто оказывается языком восторга, силы и высшего блаженства, что духовное применение Закона может показаться пессимистическим, подавляющим, отталкивающим, — и это действительно так. Особенно в наше время, когда чувство вины считается патологией, а самооценка определяет состояние психологического здоровья, — разговор о том, что духовность начинается со столь отрицательного, самоуничтожительного переживания, даже отчаяния, воистину выглядит странно.

Но Закон является прелюдией Евангелия. Сокрушенные Законом, мы осознаем свою беду и неспособность спасти себя самостоятельно. И тогда благовестие о Боге, совершающем это для нас, приносит удивительное облегчение. Люди, отчаявшиеся достичь совершенства самостоятельно, слышат весть с креста о полном прощении, дарованном Иисусом Христом, и припадают к ней всем своим существом. Тогда человеческие сердца открываются, чтобы принять дары Божий, изменяющие всю их жизнь.

Тогда и происходит оправдание их по вере, и праведность Христова вменяется им как их собственная. Требования Закона относительно нравственного совершенства, таким образом, удовлетворяются опосредованно, но полностью. Смерть Христова отменяет все заслуженные ими наказания. Они совершенно прощены, освобождены от страха и исполнены признательности Богу за Его благодать. Их просвещает не собственное рассуждение, а встреча со Словом Божиим. Они связаны со Христом не мистически, как если бы они возносились в духовные сферы, а реально, ибо Дух Святой сошел в их жизнь. Теперь они во Христе, Который сказал: «Я есмь путь (конец морализму), истина (конец интеллектуализму), и жизнь (конец мистицизму)» (Иоан. 14:6). Итак, Христос освобождает волю, разум и дух.

Вера не есть лишь интеллектуальное восхождение к определенным истинам, что было бы проявлением интеллектуализма. Не является она и разновидностью «позитивного мышления», всеобъемлющего оптимизма или, по выражению Кьеркегора, прыжком в неизведанное. Вера — это не переживание, что было бы проявлением мистицизма.

Для лютеран вера — не «решение принять Христа», как ее определяют более поздние евангелические христиане. Приведение спасения в зависимость от человеческой воли означает возвращение к морализму, превращающему спасение в нечто достижимое человеческими усилиями, волею и делами при всей их тщетности.

Лютеране рассматривают веру как дар Божий, совершаемый Духом Святым в сердце человека. Вера связана с упованием, с осознанной зависимостью от Христа, с уверенностью в том, что именно Он совершает все. «Ибо вера оправдывает и спасает не потому, что является добрым делом, — объясняет Меланхтон, — а лишь потому, что принимает обетованную милость».

Говоря точнее, спасает нас распятый Христос, вера же лишь полагается на эту жертву.

Большая часть лютеранских учений, конечно же, находится в согласии с учениями других христианских деноминаций. Многие евангелические христиане придают особое значение обращению, признают его и лютеране. Однако, Закон и Евангелие, движущие силы покаяния и притяжения Христа, глубоко вплетены в лютеранскую духовность не как одноразовое действие, но как образ жизни.

Обращение повторяется каждое воскресенье в исповедании грехов и их отпущении, в пасторской проповеди, всегда провозглашающей Закон и Евангелие. Лютер шел еще дальше, говоря, что мы должны быть каждый день сокрушаемы Законом и воскрешаемы Евангелием. «Живущий в нас ветхий человек (ветхий Адам), со всеми своими грехами и злыми вожделениями, путем ежедневного сокрушения и покаяния должен быть погружен под воду и умерщвлен», — гласит его Краткий катехизис, объясняя важность Крещения; после чего «должен ежедневно возрастать новый человек, который будет жить вечно в праведности и чистоте пред Богом».⁴

Оправданные во Христе меняются внутренне. Добрые дела неосознанно совершаются через действие Христа. У христиан, однако, двойная природа — новая духовная (лютеровский «новый человек»), и старая, греховная, от Адама («ветхий Адам»). Они находятся в постоянном противоборстве, так что жизнь христианина зачастую наполнена не миром, но борьбой. Постоянно противостоя искушениям, христианин все же впадает во грех. Но и Христос продолжает Свои труды в жизни христианина. Молитва, покаяние, служение Слова Божия и Таинств помогают христианину возрастать в святости и добрых делах, этот процесс называется освящением.

В определенное время христианину необходимо слышать либо Закон, либо Благовестие. Лютеранские пасторы в своем духовном попечении о прихожанах учатся различать и правильно применять Закон и Евангелие. Люди, погрязшие в гордыне, упорном грехе и самоправедности, нуждаются в напоминании о Законе, дабы не забыть о своей потребности во Христе. Страждущие же и преследуемые чувством вины, безнадежности и отчаяния, должны слышать Благоую Весть.

Итак, духовность в лютеранском понимании — не устойчивое состояние блаженства, а динамическая смена взлетов и падений, познание как греха, так и прощения, покаяние и упование. Однако Евангелие, согласно словам С. Ф. В. Вальтера, должно преобладать, дабы лютеранин пребывал под благодатью.

ПАРАДОКСЫ ЛЮТЕРАНСТВА

Таким образом, лютеране остро осознают грех, но не впадают в морализм. Они дорожат богословскими учениями, имея богатейшие интеллектуальные традиции, но в то же время подчеркивают ограниченность суждений разума и свою постоянную зависимость от откровений Слова Божия. Лютеране скептически относятся к эмоциональности мистицизма, одновременно развивая в себе внутреннее благочестие в поклонении невыразимой тайне. Далее будет показано, что центральный парадокс Христианства — воплощение, то что Христос одновременно является Богом и Человеком, находит отражение в каждом утверждении типа «и/и», пронизывающем лютеранство от учения о Таинствах до взглядов на роль христианина в мире.

В своем богословии и своей духовности лютеранство — система парадоксов, очевидных противоречий, которые на самом деле являются двумя полюсами истины и опыта. По Лютеру, христианин есть *simul justus et peccator*: одновременно праведник и грешник. Христианин обладает совершенной свободой, но в христианском служении — раб всем. Подобные парадоксы являются не доктринальными формулами, но, как будет показано, полюсами, охватывающими всю сложность духовной жизни.

Погрузившись в глубины Евангелия, я обнаружил, что противоречия, делавшие меня то моралистом, то интеллектуалистом, то мистиком, разрешились, или вернее, столкнулись друг с другом и упали к подножию креста.

ДЕЯНИЕ БЛАГОДАТИ:

ПРИСУТСТВИЕ БОЖИЕ

На вопрос: «Когда ты был спасен?» — лютеране часто отвечают примерно так: «Около двух тысяч лет назад, когда Иисус умер на кресте». Христианство — не столько правила поведения, система верований или совокупность переживаний, сколько Христос. Мы спасены только десницей Божией: именно Он спас нас, совершив то, что не под силу нам. По Своей воле Бог родился как человеческое существо. Иисус Христос, Бог во плоти, совершенно исполнил нравственный Закон. А затем, явив, очевидно величайшее из чудес, в мучительной крестной смерти Он принял на себя каждый грех, каждое преступление и понес заслуженную нами кару. Иисус умер, ибо возмездие за грех — смерть (Рим. 6:23). Более того, восклицая в предсмертной агонии: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (Матф. 27:46), Сын

4 Цит. по: Книга Согласия [Фонд «Лютеранское Наследие»], 1998. Краткий катехизис, IV, 12. — Прим. ред.

Божий увидел, как Дух Святой отвернулся от греха мира, который заключил в Своей плоти Иисус. Христос пережил разделение с Богом, ведущее в ад. Но, искупив грехи мира, Он восстал из мертвых.

По условиям этого непостижимого обмена, все грехи, совершенные христианами: эгоизм, ненависть, тайные пороки, эгоистические устремления, причиняющие боль окружающим — все это было вменено в вину Иисусу. И это убило Его на кресте. И напротив, праведность Христова — вся благость, явленная Им в исцелении больных, сострадания к людям, противостоянии искушениям, изгнании менял из Храма — все это вменено христианам. И поскольку Иисус воскрес из мертвых к новой жизни, воскреснут и христиане.

При этом каждый христианин обретает ту же милость у Бога, ту же возможность приходить к Нему, уверенность в вечной жизни, какую имеет Иисус. Когда мы предстаем перед Святым Богом, Он не отворачивается с осуждением, Он взирает на нас через Христа — можно даже сказать, что Он видит в нас Христа. Наш Искупитель взял все наши грехи и заплатил за них Своею Кровью. Он совершает в нас все добрые дела, облакая нас в Свою, а не нашу праведность. Вот что означает спасение.

Лютеранские богословы говорят об «объективном оправдании». Строго говоря, наше оправдание произошло вне нас, в реальных исторических событиях смерти и воскресения Христа. Две тысячи лет назад на кресте наше спасение было совершено объективно.

Объективность того, что произошло на кресте, и сейчас имеет глубокое духовное значение. Наши жалкие грехи и пороки оказались там, на кресте с Иисусом. Иисус объективно принял в Свою плоть то, в чем мы осознаем себя виновными; потому, несмотря на субъективное чувство вины в содеянном нами, наше прощение также объективно.

Это удивительное учение. В него трудно поверить, если рассматривать его логически, богословски или нравственно. Оно может показаться слишком легким, слишком удобным, чтобы быть правдой. В этом и заключается Благовестие, *εὐαγγέλιον* по-гречески, давшее имя первым евангелическим христианам и определившее каждую грань их духовности.

Другие христиане, включая и евангелических, полагают, будто они были спасены, когда «приняли Христа», были обращены, испытали воздействие Духа Святого или как-то еще. Лютеранские евангелические христиане, несомненно признавая обращение, придерживаются иного мнения. Оценка спасения с точки зрения решений и переживаний переносит акцент с того, что совершил Христос, на то, что делаю я. Таким образом мы возвращаемся к неевангельской проблеме необходимости собственного спасения посредством своих решений, переживаний и действий. Все это возвращает нас в морализм с его неуверенностью, несостоятельностью и самообманом. Вместо того чтобы строить надежды на зыбком, как песок, основании своих поступков или на внутренней жизни, мы можем обрести Уверенность в том, что содеянное для нас Иисусом является реальностью. Посему лютеране, отрывая внимание от себя, концентрируются на том, что Бог совершил для них во Христе.

Где же связь между нашей теперешней жизнью здесь и распятием Иисуса на Голгофе? Хотя Иисус искупил грехи всего мира, очевидно, что веру имеет не каждый. Если существует объективное оправдание, должно быть и субъективное, когда совершенное Христом на кресте воздействует на жизнь отдельного человека. Если вера не есть решение, переживание или внутренняя работа, если спасение целиком и полностью совершается Богом, то и вера должна происходить от Бога.

Итак, как же мы обретаем изменяющую нашу жизнь спасительную веру?

Ответ, согласно духовному пониманию лютеран, кроется в так называемых средствах благодати. Мы имеем связь со Христом, и Дух Святой творит в нас веру и добрые дела посредством Слова и Таинств.

СЛОВО БОЖИЕ

В центре всех уровней лютеранского богословия и духовности — их источник, метод и практика — понимание того, что сам Бог обращается к людям на человеческом языке. Какие-то религии ищут видений от Бога, какие-то богословские учения ожидают, что Бог проявит Себя в особом переживании. Многие христиане полагают, будто Святой Дух общается с ними напрямую, через внутренние импульсы или личные откровения. В понимании лютеран Бог приходит извне; Святого Духа следует искать объективно. Господь говорит с нами прямо и понятно в Его Слове.

Люди любой культуры имеют свой язык, при помощи которого они устанавливают отношения друг с другом. Язык позволяет людям вступать в общение с окружающими и устанавливать отношения — от дружеских и семейных до общественных. Язык делает возможным мышление, обмен идеями, накопление знаний, художественное и научное творчество. Только теперь ученые постепенно проникают в глубины человеческого языка, его неразрывную связь с разумом, его способность формировать культуру и, в конце концов, характеризовать человека. Многие исследователи пошли еще дальше, установив, что язык соответствует самому нашему бытию. Генетические коды ДНК, химические структуры и законы физики оказываются аналогичны языковому грамматическим структурам.

В этом нет ничего удивительного, поскольку Бог создал вселенную Своим Словом (Псалом 32:6; Иоан. 1:1-3). Вопреки учениям большинства религий, Бог — не абстрактная сила, но Личность. Будучи

Личностью, Он мыслит, любит и выражает Себя при помощи языка. Он сотворил человека по Своему образу — личностью; и потому мы тоже обладаем языком. Грехопадение извратило языковой дар, обрекая языки на смешение и непонимание у подножия Вавилонской Башни (Бытие 11), но в день Пятидесятницы Святой Дух вновь дал людям возможность понимать языки друг друга (Деян. 2). На простейшем уровне именно язык — любой язык, включая жесты глухонемых, — делает возможными человеческие отношения. Мы должны общаться, чтобы не чувствовать себя одинокими. Язык помогает нам делиться мыслями и чувствами — самими собою — с окружающими людьми. Друзья и возлюбленные должны общаться. Недостаток общения разрушает семейные отношения, не говоря уже об экономике и государственном управлении.

Так почему бы Богу не общаться и не устанавливать отношения посредством языка? Не туманными намеками и мистическими предчувствиями, а настоящим языком, имеющим слова, грамматику и значение, — языком, доступным каждому и позволяющим записать излагаемые мысли. Общение христианина с Богом, как и любая другая взаимосвязь, развивается благодаря диалогу — христианин обращается к Богу в молитве, а Бог говорит с христианином, читающим Его Слово.

Критики лютеранства возражают, говоря, что Библия — человеческий документ, составленный множеством авторов, писавших в особом культурно-историческом контексте. Более того, хотя евангельские жизнеописания Христа и послания Апостолов были написаны в самом начале церковной истории, полный канон Святого Писания принят в IV веке. Следовательно, Церковь, выбравшая книги, вошедшие в Писание, появилась прежде Слова.

Лютеране же утверждают, что Библия, хотя и написана людьми, является Словом Божиим. Но Слово Божие — не только Библия. Сын Божий, Вторая Ипостась Троицы, назван в Библии Словом. Итак, Иисус есть «Слово, ставшее плотью» (Иоан. 1:1-3, 14). Проповедь пастора — также Слово Божие. Всякое провозглашение Евангелия — в церковном учении или простом свидетельстве мирянина своему другу — служит распространению Слова Божия. Такое слово, если оно передает библейские истины, является Словом Божиим, произносимым человеком.

Одна из лютеранских аксиом гласит, что Бог чаще всего действует при помощи каких-либо средств. Бог в равной степени не стыдится вдохновлять человеческие речи, позволять людям записывать Свои истины на их языке и доверять Слово Своим зачастую не слишком красноречивым приверженцам. Главное различие между Словом Божиим и словом человеческим в том, что Бог Дух Святой обещает действовать, когда бы ни звучало Его Слово. «Так и слово Мое, которое исходит из уст Моих, — говорит Господь, — оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его» (Исайи 55:11).

Обращаясь к критике, следует сказать, что Слово старше Церкви. Даже до того как Библия была написана полностью, никто не мог узнать об Иисусе и присоединиться к Церкви, не услышав о Нем. Слова, повествующие об Иисусе, о том, что Он совершил, и о прощении, которое Он предлагает, являются частью Слова Божия. Ранние христиане провозглашали Евангелие (Слово Божие), которое можно было проследить до времен первых Апостолов, учивших Слово Божию, слышанному от Самого Иисуса (Слова Божия, ставшего плотью). Апостольское свидетельство было записано с самого начала, равно как и более древние пророчества Ветхого Завета, а позднее отдельные книги собрали и издали вместе. Но это всегда было Слово, которым Бог призывал людей к Себе.

«Но как призывать *Того*, в Кого не уверовали? Как веровать в *Того*, о Ком не слышали? Как слышать без проповедующего?» — вопрошает Апостол Павел. «Итак, вера от слышания, а слышание от слова Божия» (Рим. 10:14, 17). И это Слово, устное или письменное, воплощенное в Иисусе или проповедуемое в современной Церкви, действительно, остро и убедительно: «Ибо слово Божие живо и действительно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помысления и намерения сердечные» (Евреям 4:12).

БИБЛИЯ

«Никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою», — свидетельствует о себе Библия. «Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали *его* святые Божий человеки, будучи движимы Духом Святым» (2-е Петра 1:20-21). Бог — в Своем провидении управляя историей — вдохновил людей на то, чтобы Его Слово было записано. Потому христиане веруют, что «все Писание богодухновенно» (2-е Тимофею 3:16).

Тот факт, что Слово Божие записано в Книге и доступно каждому, многим кажется недуховным. Они предпочитают, чтобы общение с Божеством было неясным и таинственным, сокрытым в некоем пророчице, загадочным, перенесенным в область мистических переживаний. Христиане же веруют, что Слово Божие, записанное чернилами на бумаге, доступно и объективно.

Писание истинно. «Я и мой ближний, или, проще говоря, все люди могут ошибаться и обманывать, — пишет Лютер в своем Большом катехизисе, — но Слово Божье ошибочным быть не может»⁵. Оно не просто верно, оно само и есть истина. Иисус сказал: «Слово Твое есть истина» (Иоан. 17:17).

Человеческий рассудок кажется способным самостоятельно познавать многие истины. Великий

5 Цит. по: Книга Согласия [Фонд «Лютеранское Наследие»], 1998. Большой катехизис, IV, 57. — Прим. ред.

средневековый богослов Фома Аквинский верил даже в способность разума доказать бытие Божие (хотя многие христиане с ним не согласны). Однако разум, продолжал Фома Аквинский, мало может нам сказать о самом Боге, о том, каков Он, каковы Его цели и каково Его отношение к людям. Чтобы познать совершенное Божество, необходимо Его собственное откровение. Он сам должен рассказать нам о Себе, о Своих деяниях в истории, о Своей воле, и о том, что Он совершил ради нашего спасения. Но как мы сможем понять все это без человеческого языка? Кроме того, мы полностью зависимы от Его Слова.

Лютеране и другие христиане признают неоспоримый авторитет Библии. Она является источником, образцом и мерилom истинного богословия. При том что Слово Божие звучит всякий раз, когда люди провозглашают весть о Христе, человеческие слова не являются Словом Божиим, если они расходятся с Библией и не передают ее содержания.

Лютеране и другие христиане согласны во мнении, что Библия сообщает нам точные сведения о деяниях Божиих в истории. Мы никогда не узнали бы о воплощении Христа и об искуплении, если бы не смогли прочесть об этом. Эти объективные исторические события просто растворились бы во времени, не дойдя до нас. Библейские повествования и учения несут нам необходимые знания.

Однако лютеране видят нечто большее в чтении и слушании Слова Божия. Они рассматривают это как средство благодати. Слова Писания не просто передают информацию, они передают действие Духа Святого. «Слово Божие живо и действенно». Слова Писания реально связывают нас с тем, что они описывают. Бог в буквальном смысле объективно присутствует на его страницах, влагая в наши сердца дар веры.

Многие христиане, включая протестантов, признающих неоспоримый авторитет Писания, не принимают столь возвышенного взгляда лютеран на Библию. Библия действительно сообщает нам исторические факты и богословские истины, но ведь Бог не может присутствовать в бумаге и чернилах. Не следует поклоняться книге. Лютеран обвиняют в «библиопоклонстве». И все же лютеране утверждают, что Дух Святой живет и действует в словах Писания. Они отрицают поклонение книге, но видят в Библии средство благодати, подобное Таинствам.

Слово Божие содержит Закон и Евангелие. Библия открывает нам святость Божию, Его волю, Его требования и Его суждения. Чтение всего этого может ужасать. Но Библия являет и любовь Господню, благодать и обетования, коими Бог неизменно избавлял Своих детей от рабства греха, и повествует о том, как Христос принес Себя в жертву за наши грехи.

Цель чтения Библии не в том, чтобы получить информацию о Боге, выбрать образец поведения или жизненные принципы, хотя Писание предлагает и все это. Чтение Библии в духовном отношении означает личную встречу с Богом. Эта встреча может быть ужасающей. Добросовестное восприятие строгих требований Божиих, Его гневного суда относительно малейших нарушений Закона наполняет читателя чувством вины, ужасом и отчаянием. Но эта встреча приносит и исцеление — читатель приходит к пониманию того, что Бог гнева является и Богом благодати, от начала времен приготовившим жертвенную Кровь для покрытия человеческих грехов, что Он пришел к нам в Иисусе, и Его гнев был поглощен крестом. Читая библейскую историю, законы, поэзию, повествования и апостольские послания, мы открываем для себя Закон и Евангелие, а через них Дух Святой изменяет наши сердца, приближая нас ко Христу.

Когда я впервые начал серьезно читать Библию, главы Ветхого Завета поразили меня, а позднее привели в ужас повелением Господним истребить Хананеев. Я начал понимать, что Бог есть Некто «иной», Некто превосходящий мое понимание. Я понял, что создавал образ Божий согласно своим предпочтениям, наделяя свое божество приятными мне качествами. Иначе говоря, я пытался творить божество по своему образу. Но Бог, о Котором я читаю в Библии, Чье огненное дыхание поражает прикасающихся без искупительной Крови к Ковчегу Завета, отличается от меня. Он оказался таинственен, свят и страшен. Но именно такой образ более правдив.

Я, вероятно, никогда до конца не верил в образ туманного, «прирученного» духа, созданный мною самим и определяемый моим гуманистическим либеральным богословием. Реальный мир с его опасностями, последствиями любого выбора и «темными сторонами» - такими как рак - не мог быть сотворен столь сентиментальным божеством. Скорее всего, я осознавал в глубине сердца, что пытаюсь придумать для себя удобную религию, и что в данном случае атеизм был бы более честной позицией. Но библейский образ Бога очерчен весьма резко. Он является абсолютom, в высшей степени непостижим и, как бы Его ни воспринимали, совершенно праведен. Я увидел Бога в новом свете - в свете праведности. А еще я разглядел себя среди мятежного народа Израильского - неблагодарных, непоследовательных идолопоклонников.

И все же я увидел, что когда Божий народ бывал почти полностью поглощен и поработан языческими культурами, которым он пытался противостоять, Бог неизменно посылал Израилю избавителей: Моисея, судей, пророков и праведных царей. Он даровал им Храм и удивительные жертвы, посредством которых их грехи могли быть смыты кровью. Когда я начал читать в Новом Завете о жизни Христа, все в моем понимании сложилось в единую картину, а послания Апостола Павла с еще большей ясностью открыли мне факт моего спасения.

В то время я не знал терминологии и богословских учений, но то что я переживал, читая Библию, было сочетанием Закона, обличающего мою греховность и пробуждающего во мне осознание удаленности от Бога, и Евангелия, обещающего мне прощение во Христе. Гораздо позднее, став лютеранином, я понял каким образом

Слово Божие, действующее через Закон и Евангелие, является средством, через которое Святой Дух дарует веру.

ТАИНСТВО КРЕЩЕНИЯ

Нашему времени присущи как неверие, так и гипердуховность. Никто не возражает против религии, пока она не выходит за рамки внутренней жизни, пока она нематериальна и не имеет четких очертаний. Кому-то может показаться недуховным утверждение, что вещественная книга, написанная чернилами на бумаге, может производить такое действие, или что проповедуемое с церковной кафедры Слово Божие, являющееся звуковым колебанием, распространяющимся в воздухе, ударяющим по барабанной перепонке и воспринимаемым мозгом, может быть использовано Святым Духом для созидания веры и спасения души.

Слово Божие говорит и о других материальных средствах благодати, силою того же Слова приближающих нас ко Христу и созидающих веру. Это Таинства - Крещение и Святое Причастие. Духовность в понимании лютеран - это духовность Таинств, сосредоточенная в убежденности, что Дух Святой действительно нисходит в момент Крещения, а Иисус Христос реально присутствует в хлебе и вине Святого Причастия.

Разумеется, весьма странно, что вода, хлеб и вино могут быть столь значительны, хотя, возможно, не более странно, чем чернила, бумага и звуковые волны, передающие Слово бесконечного Бога, непостижимость чего будет рассмотрена в следующей главе. Однако лютеране веруют, что Евангелие действительно передается - и даже детям - через Крещение. Оно передается и при повторении Вечери Господней, когда причащающиеся вкушают хлеб и вино, в которых реально присутствуют Тело и Кровь Иисуса Христа, преданные во искупление грехов. Такие утверждения не менее удивительны, но они являются еще одним примером объективной природы благодати Божией и того, что Бог совершил все для нашего спасения, а нам остается только принять Его дар.

Божие присутствие одинаково реально было в Его Храме при поклонении и жертвоприношениях народа Израильского, и теперь в Его Церкви. Оправдывая каждого грешника в отдельности, Слово Божие объединяет их в Церковь — Тело Христово. Сколь бы маловероятно это ни казалось, Дух Святой действует в каждой поместной общине, по мере того, как пастор проповедует Слово, разъясняет и применяет его к жизни прихожан. То же Слово действенно и в жизни прихода на особенно личностном уровне, когда пастор крестит и причащает свою паству.

«Так и нас ныне подобное сему образу крещение, не плотской нечистоты омытие, но обещание Богу доброй совести, спасает воскресением Иисуса Христа» (1-е Петра 3:21), — сказано в Библии. С этими ясными и однозначными словами трудно спорить. Крещение действительно спасает нас — не простым омовением, но соединяя с воскресением Христовым. Совершаемое в Крещении нельзя описать лучше, чем это сделал Апостол Павел:

«Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть *соединены и подобием* воскресения» (Римлянам 6:3-5).

Согласно Писанию, в Крещении человек соединяется со Христом в Его смерти и воскресении. Во время Крещения мы погружаемся в Его смерть, мы «погребаемся с Ним» и «соединяемся с Ним в Его воскресении».

Это сильные слова. Лютеране, наученные держаться Слова Божия, не пытаются истолковывать его по-своему, понимают их буквально. Принять Крещение — значит умереть со Христом и вновь возродиться. В этом связь между Голгофой, пустой могилой и нынешним днем. Всякий принявший Крещение может уверенно исповедовать свое участие в смерти и воскресении Христа. Принявший Крещение родится вновь.

Я понимаю, что мои слова будут отрицательно восприняты многими протестантами. Христиане любых конфессий могут многому учиться у лютеран, но их приверженность Таинствам обычно становится камнем преткновения. Повторю, моя цель заключается не в защите данного учения или его глубоком истолковании. Для этого вам стоит обратиться к источникам, указанным в конце книги. Однако лютеранский взгляд на Крещение является наиболее евангельским.

Разумеется, лютеране веруют в обращение, в необходимость личной веры. Они также отвергают «магическое» понимание Крещения, подразумевающее, что спасает само производимое действие. «Как вода может творить столь великие дела?» — прямо спрашивает Лютер в своем Кратком катехизисе. «Конечно, не вода творит их, но Слово Божие, которое с водой и в воде пребывает, а также вера, уповающая на Слово Божие, которое в этой воде»⁶. Кроме того, Крещение не совершается людьми ради умиротворения Божества; Крещение, как и любое другое спасительное деяние, совершается

6 Цит. по: Книга Согласия [Фонд «Лютеранское Наследие»], 1998. Краткий катехизис, IV, 9-10. — *Прим. ред.*

Богом. В своем Большом катехизисе Лютер поясняет: «Быть крещеным во имя Божие — значит быть крещеным не людьми, но Самим Богом. Таким образом, хотя Крещение и осуществляется человеческими руками, оно воистину является деянием Самого Бога»⁷.

Рассмотрим, например, Крещение младенцев. Ребенок не в состоянии понять значение этого обряда. Он не знает Библии, у него нет нравственных устоев и воли, способной посвятить себя Христу. Как могут лютеране говорить, что крещеный младенец — уже является возрожденным христианином? И как они согласовывают свое учение о возрождении в Крещении с учением об оправдании по вере?

Крещение младенцев, пожалуй, лучший пример оправдания по вере. Особенность лютеранского учения о Крещении состоит в том, что крещеные младенцы имеют веру. Конечно, ребенок не имеет познания или способности выбирать, но вера — не интеллектуальное достижение и не принятое решение. Вера — это доверие, состояние полной зависимости от Христа. Разве ребенок в своей беспомощности не доверяет отцу и матери? Разве он не полностью полагается на родителей? Разве ребенок не осознает материнскую любовь — самое реальное в его существовании? Если ребенок имеет веру в своих родителей, покоясь в безопасности, полагаясь на их любовь и заботу, то почему же ему не верить и в Небесного Отца?

В оправдании человек полностью пассивен, он лишь принимает предлагаемое ему. Повторю, что спасение не достигается делами, нравственными усилиями, приобретенными познаниями или мистическими переживаниями. Спасение заключается в принятии дара Божия. Крещаемый младенец является образцом такого пассивного восприятия, за которое взрослым непрерывно приходится бороться в их упорном стремлении спасти себя собственными усилиями. Вот почему, описывая веру, обращение и жизнь христианина, Иисус приводит в пример ребенка:

«Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Матф. 18:3-4).

Беспомощный ребенок оказывается для нас примером обращения («если не обратитесь»). В оправдании человек не смеет гордиться ни своими способностями, ни своими Делами («кто умалится, как это дитя»). В Крещении ребенок пассивно принимает благодать Божию, соединяется со Христом и преобразуется. Дух Святой поселяется в ребенке, созидавая в нем живую веру. Веру эту надлежит непрерывно питать Словом Божиим, — подобно тому, как новорожденного младенца для поддержания его жизни необходимо постоянно кормить.

Но мы не должны излишне сентиментализировать Крещение. Несмотря на приятные чувства, переживаемые родителями, друзьями и всею общиной, на то, как мил ребенок в своем кружевном одеянии, смысл Таинства таков, что в Крещении младенец умирает. Вода Крещения означает не только очищение, но и смерть. В Новом Завете Крещение названо погребением.

При Крещении младенцу также дается имя. Но рядом с именем ребенка стоит и имя Божие. И в самом деле, что, как не имя Божие, отличает Крещение от простого омовения («Я крещу тебя во имя Отца, и Сына, и Святого Духа»). Слово Господне знаменует Его присутствие, и в Таинстве личность ребенка соединяется с Личностью сотворившего его Отца, искупившего его Сына и ведущего его по пути веры Духа Святого.

Крещение имеет непреходящее значение в духовной жизни лютеранина. Нас постоянно призывают «помнить о своем Крещении». Каждое утро, умываясь, говорил Лютер, следует вспоминать о своем Крещении. Описание Крещения, содержащееся в Катехизисе, применимо к каждой минуте жизни христианина. Повторю еще раз: «Живущий в нас ветхий человек (ветхий Адам), со всеми своими грехами и злыми вожделениями, путем ежедневного сокрушения и покаяния, должен быть погружен под воду и умерщвлен и... вместо него должен ежедневно возрастать новый человек, который будет жить вечно в праведности и чистоте пред Богом»⁸.

Факт Крещения также связан с уверенностью в спасении. Многие современные христиане беспокоятся о том, действительно ли они лично приняли Иисуса Христа как своего Господа и Спасителя. Стал привычным на больших протестантских собраниях призыв к людям выйти вперед и еще раз принять решение — на всякий случай, если они не сделали этого раньше. Приглашение к алтарю превратилось в некое евангелическое «таинство». (Один из моих студентов написал рассказ о человеке, который почти вышел вперед — возможно, вышел бы, попроси пастор общину спеть еще один куплет приглашающего к покаянию гимна, — после чего тою же ночью погиб в автомобильной катастрофе, обрехши душу свою на вечные муки.) Однако значение, придаваемое внутреннему движению воли и тому, что *делает* человек для своего спасения, а не тому, что совершил Христос, само по себе субъективно и потому ненадежно. Неуверенность христиан в спасении по благодати может быть вызвана страхом, что Господь не избрал их в число тех, кому Он дарует веру. Отвечая мучительно сомневающимся в своей принадлежности к избранным, Лютер указал на свершившийся факт: «Ты —

7 Цит. по: Книга Согласия [Фонд «Лютеранское Наследие»], 1998. Большой катехизис, IV, 10.— *Прим. ред.*

8 Цит. по: Книга Согласия [Фонд «Лютеранское Наследие»], 1998. Краткий катехизис, IV, 12.— *Прим. ред.*

крещеное дитя Божие», — сказал он им. В дни сомнения, страха и отчаяния людям, неуверенным в своем спасении и своей причастности ко Христу, надлежит помнить, что христианам не следует смотреть внутрь себя, где они найдут еще больше причин сомневаться в своем спасении. Благодать, по убеждению лютеран, объективна. Христиане, ищущие уверенности, должны осознать, что их спасение — это объективный факт, запечатленный в реальном пространстве и времени, столь же осязаемый, как вода.

Слова: «Помните о своем Крещении» — для лютеран чаще всего означают: «Помни, что ты крещен», — поскольку само событие обычно ускользает из памяти. Но я не забыл о своем Крещении.

Все сказанное выше относится и ко Крещению взрослых. Меня крестили взрослым, или скорее подростком, потому мне выпало счастье помнить, что представляет собою Крещение. Это случилось задолго до того, как я стал лютеранином. (Замечу, что лютеране признают Крещение во всех христианских церквях, ведь Крещение это Слово и имя Господне в сочетании с водою, а не богословские взгляды пастора. Строго говоря, это не дело рук человеческих. Как сказал Лютер, Крещение производит Бог.)

Мне исполнилось тогда около 12-ти лет, и я был столь несведущ, как ребенок. Я вышел к алтарю после очередного призыва (практика, не присущая лютеранам) и был крещен полным погружением (что отличается от лютеранской традиции, но вполне приемлемо и весьма наглядно в передаче представления о смерти и погребении).

Я очень живо помню, как все произошло. Баптистерий представлял собой обычно скрытый занавесом контейнер с водою, встроенный в алтарную стену церкви. При Крещении занавес отодвигался, открывая на заднем плане деревья, воду и небо, изображающие реку Иордан. Открытый для Крещения занавес всегда производил на меня торжественное и даже таинственное впечатление. Вместе со мною крестились мои товарищи из молодежной группы. Я помню, как спустился по бетонным ступенькам в воду, которая, к моему облегчению, оказалась теплой. На мне были старые джинсы и футболка под белой рубашкой, пузырявшейся в воде. Крестя во имя Отца, Сына и Святого Духа, пастор произнес мое имя во всем известной уменьшительной форме, ведь я был еще школьником. Может быть, поэтому я до сих пор ассоциирую себя с этим именем. Я закрыл нос руками, как меня учили, наклонился назад, поддерживаемый руками пастора, и теплая вода сошла надо мною. Мне казалось, я оставался в воде долгое время, а затем меня быстро подняли на поверхность. Задыхаясь и расплескивая воду, пытаюсь отдышаться, я чувствовал себя необыкновенно приподнято.

Когда все закончилось, я, вернувшись в комнату для переодевания, почувствовал, что по-настоящему очистился, родясь заново. На следующий день, побуждаемый усердием перед Богом, я подошел к своему лучшему другу и впервые попытался «евангелизировать», желая, чтобы и он пережил то же возрождение.

«Эрл, — сказал я, — ты должен креститься».

«Зачем?» — легкомысленно спросил он.

Меня крайне удивила такая реакция; не будучи должным образом подготовлен, я не знал, что ответить.

«Но это здорово», — сказал я наконец, однако в душе мне было больно за столь жалкое свидетельство своей веры. Я знал, что есть нечто большее, и что я должен был об этом узнать. Я все еще оставался ребенком.

Повторяю, меня крестили не лютеране. И хотя гораздо позднее, читая Клайва Стейплза Льюиса, я получил первое представление о христианстве, прочел и принял Библию, а еще позднее стал членом Лютеранской церкви, — таково было начало моего пути.

ТАИНСТВО СВЯТОГО ПРИЧАСТИЯ

Вспомним различные формы лютеранской духовности. Во взаимоотношениях с нами Бог — главное действующее Лицо. Не мы ищем Его, но Он нас. (Обратите внимание, как это представлено в притче Христовой о потерянной овце из Евангелия от Луки 15:4-7.) Мы не любим Бога, но Он любит нас («В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши», 1-е Иоанна 4:10). Как в стихотворении Фрэнсиса Томпсона «Гончая Небес», мы пытаемся бежать от Бога, но Он неотступно следует за нами. Вместо нашего вознесения к Богу, Он сошел к нам. Несмотря на то, что в мире христиане призваны к активным действиям (что будет предметом обсуждения одной из последующих глав), в наших отношениях с Богом все основано на Его деянии.

Это деяние *объективно*. Бог приходит к нам извне. Христос и Дух Святой поселяются в наших сердцах, но это не просто наша психологическая функция, наши переживания или наше духовное «я». Богатая традиция лютеранская духовная литература напоминает мятущимся в сомнениях христианам, что им не следует смотреть внутрь себя, где они увидят лишь собственную греховную природу. Их взгляд должен быть устремлен к чему-то объективному и осязаемому: ко кресту, к Слово Божью, к Его неизменным обетованиям.

Уверенность в том, что эти обетования обращены ко мне, что я — христианин, получивший спасение, подкреплена не смутными воспоминаниями, решениями или ощущением собственной избранности, но объективным, осязаемым историческим событием. «Когда наши грехи и наша совесть начнут давить на нас, — писал Лютер, — мы должны укрепляться и утешаться, говоря: "И все же, я крещен. Но если я крещен, то мне обещано, что я буду спасен и обрету вечную жизнь, как душой, так и телом"»⁹.

Более того, Бог действует через *материальную реальность*. Само слово «духовный» воспринимается как противоположность «материальному», таким образом предполагается, что религия предлагает «побег» из материального мира, противопоставляя свои ценности всякому «материализму». Несомненно, многие религии, особенно восточные, обладают этим качеством. В индуизме материальный мир понимается как иллюзия, сотканная демонами, а спасение — как освобождение из оков чувственного восприятия и зависимости от физического существования. Христианство, напротив, всегда придавало особое религиозное значение вещественным началам.

Первым в христианском Символе Веры звучит учение о сотворении, о Боге, не только сотворившем материальный мир, но и провозгласившем, что все это «хорошо весьма» (Бытие 1:31). Далее следует учение о воплощении, также подтверждающее важность физического мира провозглашением веры в Бога, «сошедшего с Небес ради нас, людей, и нашего ради спасения; воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечившегося»¹⁰. Во Христе «Слово стало плотью» (Иоан. 1:14).

В третьем артикуле сказано о том, что Святой Дух являет Себя в земных реалиях, от «общения святых», то есть Церкви, до плотского воскресения мертвых.

Средства благодати - Слово и Таинства - также материальны. Земные дела - посещение церкви и, как мы увидим, семья и работа - полны духовного смысла.

Средства благодати, при помощи которых Дух Святой созидает в нас веру и духовный рост, являются *евангелическими*, то есть несут с собою Благовестие о прощении во Христе. Это не талисманы, приносящие дождь или удачу в делах (хотя мы можем молиться и о том, и о другом). Их назначение - передача *благодати*, ни с чем не сравнимой милости Божией, дарующей вечную жизнь.

Таинство Святого Причастия кристаллизует в себе все аспекты лютеранской духовности: Бог действует объективно, через вещество, воплощая Благою Весть и обетование о прощении грехов. Более того, - делая все это еще действеннее, Причастие является реальным присутствием Иисуса Христа. Это потрясающее заявление, отвращающее многих христиан, лежит в самом сердце лютеранского евангелизма.

В Библии написано, что Иисус, перед тем как был предан, «взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое», затем, взяв чашу с вином, сказал: «Пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов». Он также заповедал Своим ученикам: «Сие творите в Мое воспоминание» (Матф. 26:26-28; Лук. 22:19-20). Разумеется, это может означать, что хлеб и вино *символизируют* Тело и Кровь Христа. Но нет, лютеране даже не пытаются интерпретировать или разъяснять рационально значение Слова Божия.

Существуют и другие изречения, указывающие на необычайность происходящего в Вечере Господней. Апостол Павел строго предупреждает Коринфян: «Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба *сего* и пьет из чаши *сей*. Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Телу Господнем» (1-е Коринфянам 11:27-29). Это звучит далеко не символично. «Тело и Кровь Господни» *реальны*. Их царственное присутствие должно быть признано. Во всяком случае, необыкновенно серьезное отношение лютеран к Таинствам проистекает из необыкновенно серьезного отношения к Слову Божию.

Что, если это правда? *Воскресший* Христос реально присутствует в хлебе и вине. Мы часто говорим о своих поисках Бога, сожалея, что не встретили Иисуса лично, утверждая, что явление Христа помогло бы нам верить — и вот Он перед нами.

Открываясь у алтаря, Христос дарует Себя нам. Вкушая хлеб, мы, в очень интимном и личном смысле, принимаем Его Тело, преломленное на кресте. Глотая вино, мы принимаем Его Кровь, запечатлевшую Завет, гарантирующий прощение грехов. Мы, как мостом над пропастью между нами и Голгофой, между настоящим и вечностью, в прямом смысле соединяемся со Христом распятым, воскресшим и вознесшимся.

Такое единение со Христом более непосредственно и близко, чем Его общение с Апостолами. И в таком случае Сам Христос приходит к нам. Это совершается Христом, а не нами, мы только принимаем. Вечера Господня есть не что иное, как Евангелие.

Пожалуй, наиболее важными в Слове Божиим, утверждающем Таинство, как отметил Лютер, являются слова: «За вас предаваемое». Принимающие хлеб и вино слышат, что предлагаемые «Тело и Кровь Христовы» предаются «за вас».

Здесь нет ничего неясного. Нет необходимости беспокоиться о своем решении, о том, избран ли я ко спасению, грешен ли я. В Таинстве Христос дарует мне Себя. Все Его обетования, все что Он совершил на кресте для нашего искупления и прощения, сделалось столь ощутимо, что приобрело вкус. Как первые

9 Цит. по: Книга Согласия [Фонд «Лютеранское Наследие»], 1998. Большой катехизис, IV, 44. — *Прим. ред.*

10 Цит. по: Книга Согласия [Фонд «Лютеранское Наследие»], 1998. Никейский символ веры. - *Прим. ред.*

ученики, я прикасаюсь к воскресшему Христу, и Слово Божие, сообщающее мне о том, что я принимаю во время Причастия, напоминает, что Его Тело и Кровь преданы за *меня*. Это означает, что мои грехи действительно прощены, и я могу быть уверен в милости Божией.

Впервые придя в лютеранскую церковь, я зачарованно наблюдал, как люди подходили для принятия Причастия, внимая словам пастора. Мы, разумеется, не могли подойти, не будучи поставлены надлежащим образом. Нам также следовало настолько стать членами данной общины верующих — данного «общения алтаря», насколько близким является единение в этом ядении и питии. Потому сначала я только наблюдал, как Иисус отдает Свои Тело и Кровь за того подростка, за мать с младенцем, за того врача, за женщину в инвалидной коляске. «За вас, — повторял пастор, — за вас, за вас».

Иногда — хотя я не раз был поражен ангельским выражением того или иного лица — кажется, будто поток прихожан движется к алтарной ограде по привычке, но привычность действий на дело не влияет. Мы привыкли к тому, что Господь питает Свой народ хлебом насущным и Самим Собою. Это Его деяние, и даже наши ослепление и бесчувствие не делают Его дары менее совершенными.

Порой и я принимаю Святое Причастие как нечто обыденное, но часто меня поражает реальность присутствия Христова. Мое первое Причастие было подобно Крещению. Облатка была тонкою, но не таяла во рту. Я услышал слова пастора: «Сие есть истинное Тело вашего Господа и Спасителя Иисуса Христа». Вкус вина был удивительно терпким, одновременно кислым и сладким, соответствуя звучащим словам: «Сие есть Кровь вашего Господа и Спасителя Иисуса Христа». Все было столь осязаемо, столь реально.

Без пищи мы умерли бы от голода. Нам необходимо питаться, чтобы поддержать свою физическую жизнь, иначе мы ослабеем и в конечном счете погибнем. Пища, способная насытить нас физически, является результатом смерти других живых существ. Готовим ли мы бифштекс с кровью или вегетарианское блюдо, — продолжение жизни даже на физическом уровне невозможно без жертвования чьею-то жизнью. Так же дело обстоит и с духовной жизнью — для ее поддержания необходима жертва. Кроме того, для ее поддержания необходимо постоянное питание.

Евангелие Христово не только обращает, но и питает нас. Нам необходимо принимать Христа вновь и вновь. В лютеранской духовности Слово и Таинства являются средствами благодати. Это осязаемые материальные средства передачи Благовестия Христа, Который обращает и питает нас, реально присутствуя в Своей Церкви.

БОГОСЛОВИЕ КРЕСТА:

СОКРЫТОСТЬ БОГА

Кажется странным, что спасающий Христос действительно присутствует в похожем на пенопласт кусочке хлеба и глотке терпкого вина. Или что Бог говорит с нами через переплетенные листы бумаги, покрытые типографской печатью. Или что проповедь пастора употребляется Святым Духом для созидания веры в наших сердцах. Это, казалось бы, слишком яркое описание того, что происходит во время обычной церковной службы, где мелодии гимнов звучат фальшиво, в дальнем конце зала плачут дети, и самые обычные люди нетерпеливо ерзают на скамьях. Трудно поверить, что в этой будничной и даже скучной обстановке могут происходить столь высокие духовные события.

То же, несомненно, можно сказать и о главном событии христианства. Бог сошел с Небес, жил как бродячий плотник и умер мучительной смертью. Разве не должен Он был придти как царь, сокрушая Своих врагов и принимая поклонение Своего народа? Его слабость, уничтожение, отвержение и страдание были, по меньшей мере, неожиданны.

Люди, сегодня стремящиеся к духовности, должны признать, что иногда Бог кажется весьма далеким. Однообразие повседневной жизни, переживаемыми нами неприятностями, материальными заботами, зачастую заглушаются возвышенные чувства. А ведь, кроме того, есть еще и страдания. Потерпев неудачу, утратив близкого человека, в болезни или ожидании собственной смерти, в отчаянии мы задаем один и тот же вопрос: «Где же теперь Бог?»

Пророк Исайя в обстановке всеобщего вероотступничества, крушения государства и суда Божия приходит к выводу: «Истинно, Ты Бог сокровенный» (Исайя 45:15). Утверждение, что Бог сокрыт, не означает Его отсутствия. Напротив, тот кто сокрыт, в действительности присутствует незримо. Ребенок, спрятавшийся в комнате, разумеется находится именно там. Бог зачастую скрывается там, где мы не ищем Его — в распятом преступнике, в книге, хлебе и вине, в пасторе-подагрике, в страданиях и испытаниях или в людях, отягощенных работой и семьей.

Сокрытость Бога - одна из наиболее глубоких тем в лютеранской духовности. Она - часть того, что называют «богословием креста», и что лучше называть духовностью креста. Это связано с деянием Христовым, Его присутствием и нашим приближением к Нему. Богословие креста подразумевает и в высшей степени реальные трудности, переносимые христианами в мире.

БОГОСЛОВИЕ КРЕСТА ПРОТИВ БОГОСЛОВИЯ СЛАВЫ

Отделы «духовной литературы» многих книжных магазинов заполнены сотнями томов, предлагающих методики и учения, обещающие решить все ваши проблемы и привести вас к вершинам успеха. Медитация, йога, популярная психология, принципы позитивного мышления - все они обещают даровать силу. Кроме душевного мира и счастья, при правильном применении они предлагают физическое здоровье - начиная с похудания до исцеления от рака. Духовные упражнения также предлагаются в качестве способов продвижения по служебной лестнице столь активно, что бизнес-литературу, с ее «заклинаниями» позитивного мышления и магическими приемами создания нужного «имиджа», порой трудно отличить от духовной. Авторы некоторых из этих книг столь увлекаются реализацией человеческого «я», что начинают говорить о нем, как раньше говорили о Боге. «Я» становится творцом (вы сами творите свою реальность) и законодателем (вы определяете что правильно для вас), исключая тем самым потребность в Искупителе. Движение New Age «духовно» провозглашает, что «я» - в действительности и есть Бог, и что все в этом мире составляет духовное единство, нам остается лишь осознать это. В большинстве современных популярных религий «духовность» становится средством достижения мирских целей или самовозвышения - обретения власти и удовольствий, а иногда и самообожествления.

Немногом отличается от New Age и христианская литература. С ее страниц звучат советы по использованию Бога для обретения здоровья, счастья и благополучия, рекомендации по христианской диете, заголовки вроде «Иисус Христос и методы управления» или исследования деятельности Христа как великого адвоката. Другие книги обращаются к более серьезным проблемам, таким как воспитание детей или совершенствование общества. Многочисленные яркие обложки возбужденно уверяют нас предпринять определенные шаги, которые приведут к тому, что семейные проблемы исчезнут сами собой, финансовые - растворятся в воздухе, мы сможем управлять своим телом, решать любые государственные и церковные проблемы и жить долго и счастливо.

Несомненно, Библия содержит множество рекомендаций для повседневной жизни, ее мудрость оказывает глубокое влияние на наши семьи и культурное развитие. Как будет показано в следующей главе о *призваниях*, христианская вера воздействует на такие, казалось бы, мирские занятия, как управление, торговля, и особенно на поведение родителей.

Проблема, однако, заключается в том, что подобная смесь духовности и самореализации не в состоянии стать панацеей от тех бед, которые она обещает предотвратить. Даже самые лучшие христианские семьи не застрахованы от конфликтов, неразрешимых проблем и досадных провалов. Самые верные христиане разоряются, сходят с ума и умирают от неизлечимых болезней.

Такие книги не способны нам помочь, они лишь усиливают в нас ощущение несостоятельности. Даже если все их духовные принципы верны, учитывая нашу неспособность соблюдать Закон Божий, мы никогда не сможем последовательно их соблюдать. Идеала «победоносной христианской жизни» достичь невозможно, при этом нам приходится скрывать свои неудачи, прилагать больше усилий, покупать больше книг и делать вид, будто у нас все как нельзя лучше. Так мы скатываемся к обману и притворству.

Лютер назвал такую духовность самовозвышения, стремления к успеху и власти «богословием славы». Ее притягательность вполне понятна - кто не мечтает о победах и счастье? Нас привлекает любая религия, обещающая успех. Мы желаем полных и понятных ответов, свидетельств осязаемой духовной силы, преподанных нам через убедительную, хорошо организованную и эффективную систему. Вместо этого Бог ставит нас перед крестом.

Я слышал, что миссионерам особенно трудно рассказывать об Иисусе приверженцам племенных религий. «Наш бог великий воин, - иногда отвечают последние, - он никогда не позволил бы убить себя, как, ваш Иисус».

Богословие креста противоречит любой естественной религии, всему, чего мы ожидаем и хотим от духовной системы. Вместо проявления в абстрактном принципе, Бог сошел с Небес. Не в виде сгустка энергии, а в теле ребенка. Он родился при сомнительных обстоятельствах от бедной девственницы, не в царском дворце, а в хлеву. Да, Ангелы пели при Его рождении, но о нем было объявлено не царю, а пастухам. На протяжении всей своей жизни Сын Божий лишил Себя славы (Филип. 2:6-8). Будучи истинным Богом, исцеляя больных и повелевая природой, Иисус не был популярен, не имел пристанища, подвергался насмешкам («Лисицы имеют норы, и птицы небесные - гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову», Матф. 8:20). Согласно пророчеству,

«Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его» (Исаи 53:2-3).

Как странно, что Сын Божий пришел именно таким образом. А затем того же Иисуса арестовали, судили и казнили, пригвоздив ко кресту. Пророк продолжает:

«Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы

думали, *что* Он был поражаем, наказуем и унижен Богом, ж Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего *было* на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас» (Исайи 53:4-6).

В этой главе Ветхого Завета — не Нового, как можно было бы ожидать, Исайя предвидит, как слабость Христова скажется на нашей слабости. Он вознес на крест не только наши преступления и прегрешения, но также «наши немощи» и «наши болезни».

Конец этой истории в том, что Христос воскрес из мертвых. Он вновь вознесся к славе, Ему принадлежащей. Согласно Никейскому символу веры, Он вновь возвратится «во славе»¹¹. И Его ученики будут жить во славе. Мы действительно будем жить счастливо в вечности. Но здесь, на земле, мы стоим перед крестом.

«Если кто хочет идти за мною, — говорит Иисус, — отвергни себя и возьми крест свой и следуй за Мною» (Лук. 9:23). И напротив, «кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником» (Лук. 14:27). Это ни в коей мере не означает, что мы должны страдать так же, как страдал Иисус, или что страдания являются особой добродетелью, способной искупить наши грехи. Все это Иисус совершил за нас. Но это значит, однако, что в духовной жизни есть место страданиям, поражениям и слабости, а не только переживаниям «славы», как бы нам хотелось. Кроме того, слова Иисуса описывают и Его особые отношения с нами. Мы уже видели, что на пути веры мы должны быть сокрушены Законом, дабы осознать свою нравственную несостоятельность. Законнические религии, согласно которым человек спасается своими собственными усилиями, в полной мере опираются на *богословие славы*, оптимистически обещаая успех и прославляя силу преуспевающего и добродетельного человека. Лишь осознав свою оторванность от Бога, мы припадаем ко кресту, позволяя Христу совершить за нас то, чего мы не можем сделать сами. В этом спасительная вера, *богословие креста*.

В обычной жизни у нас по-прежнему будут проблемы, но и они неразрывны со Христом, как и крест каждого из нас — с Его крестом.

НЕСЕНИЕ КРЕСТА

Одну из лучших книг по богословию креста написал Ричард Айер, много лет прослуживший больничным капелланом, помогая больным и умирающим. В своем «Пасторском служении у подножия креста» пастор Айер рассказывает об одном из пациентов, г-не Витти, который, нуждаясь в диализе почек, находился в реанимационной палате после перенесенной операции на сердце. Всякий раз, когда пастор Айер молился с ним о свершении Господней воли, г-н Витти, следуя лютеранскому обычаю, полагал на себя крестное знамение.

При этом дочь, навещавшая г-на Витти, была неизменно весела, призывая отца не беспокоиться, ибо Господь непременно исцелит его. «Однако ее отца это, похоже, не утешало, - вспоминает пастор Айер, - и он вновь, крестясь, обращался ко мне». Его дочь полагала, что достаточное количество веры непременно приведет к исцелению. «В ее понимании воли Божией не было места слабости и страданию». Но пока она изо всех сил старалась подчинить Бога своей воле, ее отец подчинил себя воле Божией. «Он знал, что именно в кресте сосредоточена его уверенность в Господе».

«Сколь бы ни было велико желание прихожан видеть десницу Божию в живописных рассветах, удивительных примерах обращения или успешных делах прихода, - замечает пастор Айер, - Бог предпочел открыть нам Свое сердце в Христовом кресте и несении нашего собственного креста». Следуя богословию славы, «мы требуем, чтобы Бог являл Себя в наших страданиях, даруя нам исцеление и успех. Мы ищем Бога, который бы исполнял наши желания, мы отвергаем избранный им крестный путь. Страдание так пугает нас, что в стремлении его избежать мы готовы жертвовать истиною и верою».

В больнице все пациенты беспомощны, зависимы от медицинского персонала, лекарств и оборудования. Многим из них ненавистна сама мысль о том, что их жизнь поддерживается искусственно. Они предпочли бы умереть, нежели оставаться «прикованными к какой-то машине». В глазах современного общества люди, полностью зависимые от других, далеко не привлекательны. Сторонники эвтаназии полагают, что лучше умереть, чем страдать или оказаться в зависимости от других, утверждая, будто слабому, зависимому, страдающему человеку не стоит жить, и в определенный момент гуманнее было бы убийство.

Беспомощность и полная зависимость, однако, более всего соответствуют нашему духовному состоянию. Мы совершенно не в силах спасти себя. Мы полностью зависимы от Бога. Спасительная вера несовместима с претензиями на самодостаточность, силу, способность контролировать себя и окружающий мир. Вместо этого мы обретаем покой в полной зависимости от Иисуса Христа. «Довольно для тебя благодати Моей, - сказал Господь Апостолу Павлу, - ибо сила Моя совершается в немощи» (2 Коринфянам 12:9).

Для нас естественно желание спасти себя, выработать духовную независимость и самодостаточность,

---

¹¹ Цит. по: Книга Согласия [Фонд «Лютеранское Наследие»], 1998. Никейский символ веры.—Прим. ред.

чтобы самим контролировать свою духовную жизнь. Неудивительно, что нас так привлекают законнические религии, основанные на богословии славы, ведь они позволяют нам сосредоточиться на своих достижениях, заслугах и талантах. Тот факт, что нам так и не удается достичь, заслужить и исполнить всего, на что мы претендуем, - как бы мы ни маскировали свои неудачи оправданиями и ложью - никоим образом не побуждает нас отказаться от стремления к духовной самодостаточности. Однако с точки зрения истинной евангельской духовности такое отношение должно быть сломлено, нам необходимо осознать свою потребность во Христе и положить на Него. Евангелие заменяет нашу уверенность в собственной независимости на ощущение полной зависимости.

Естественно также для нас и стремление к независимости, самодостаточности и контролю над нашей земной жизнью, желание лучше умереть, чем зависеть от окружающих, оценка себя и окружающих по совершенным «добрым делам». Подобное отношение, как мы увидим, может иметь свою ценность в мирской сфере. Но и в миру члены семьи зависимы друг от друга, равно как и члены общественной или экономической системы. Состояние полной самодостаточности подрывает не только веру, но и сотворенные Богом человеческие взаимоотношения.

Подобно тому как Закон разрушает наше самодовольство, в повседневной жизни оно разбивается о наш крест - неудачи, огорчения, разочарования, борения и страдания. Закон и крест ведут нас к неизмеримо глубокой и тесной зависимости от Иисуса Христа, вознесшего на крест наши грехи и страдания.

СОКРЫТАЯ ЖИЗНЬ

Часто говорят, что современным христианам не хватает правильного теологического понимания страданий. Мы стремимся избегать их любой ценой, а когда они приходят, мы не осознаем их значения и не умеем с ними справляться.

Страдания многими рассматриваются как доказательство несуществования Бога. Люди полагают, что всемогущий любящий Бог не позволил бы им страдать, а наоборот, осчастливил бы каждого. И поскольку в мире так много страданий, Бога, скорее всего, не существует. Что еще хуже, страдания иногда воспринимаются как знак того, что человек негоден Богу. Считается, будто христиане не должны страдать, будто достаточно крепкая вера будет вознаграждена исцелением от всех болезней, процветанием и успехом. Богословие славы столь заманчиво, что жизнь целых церквей вращается вокруг обещаний здоровья и финансового благополучия, основанных не только на следовании библейским принципам, но и на ожидании того, что Бог, как золотая рыбка, исполнит все их желания. Лютеранское богословие креста предлагает свое учение о страданиях, но что еще более ценно, оно дает христианам реалистическую, практическую и духовно активную жизненную позицию.

Прежде всего следует подчеркнуть, что, придавая страданиям особое духовное значение, богословие креста ни в коей мере не рассматривает их как средства духовного просвещения. Богословие креста - это не аскетизм, не сознательное культивирование неприятных переживаний, воспринимаемых как особые духовные заслуги, и не спасительное умерщвление плоти. Изошренные способы самоумерщвления, практикуемые во многих мировых религиях - посты, бичевания, самоистязания - могут причинять страдания, но и это - часть богословия славы. Среди лютеран, многие из которых соблюдают Великий пост, практически нет аскетов. Лютер учил, что мы не выбираем свой крест. Какой бы крест мы ни избрали, это вряд ли что-нибудь изменит. Напротив, несение своего креста означает страдания и испытания, не выбранные нами, но возложенные извне, те, над которыми мы не властны.

Несение креста — это не обязательно страдания больного раком или родителей, потерявших ребенка, хотя может быть и так. Оно чаще имеет отношение к мелким будничным неприятностям и огорчениям или, как покажет следующая глава, к профессиональным проблемам. Скука, легкая депрессия, плохое настроение тоже могут стать крестом, и не меньшим, чем физическая боль или эмоциональное потрясение.

Любые трудности, неординарные или обыденные, всегда являются испытаниями. При всех наших стараниях их избежать, испытания преследуют каждого из нас. Богословие креста учит также, что они играют важную роль в жизни веры.

Следует подчеркнуть, что богословие креста не предлагает удобных решений проблемы страданий и новых способов оправдания Бога, допускающего существование зла. Для Лютера сущность испытаний состоит именно в постоянной борьбе с сомнениями. Он также говорит об испытаниях как о борьбе с Богом. Порой создается впечатление, будто Бог противоречит Себе. Иногда пастору кажется, что Бог ставит препятствия на пути служения, к которому тот был призван. В качестве примеров Лютер упоминает Авраама, получившего от Бога столь противоречивое повеление принести в жертву Исаака, и Иакова, в прямом смысле борющегося с Богом.

«Самое суровое испытание, — говорит Вальтер фон Левених, цитируя Лютера, — случается с человеком, убежденным, что он покинут и отвергнут Богом. Такое испытание выпадает только величайшим святым». Парадоксально, что то, что во многих других традициях считалось бы признаком духовного падения — сомнение в своей избранности, ощущение отсутствия Бога — для Лютера является знаком величайшей святости, уделом (счастливым) духовных гигантов.

«Что советует Лютер в таких случаях? Только держаться Слова. А Словом для Лютера является Христос». Вновь и вновь Лютер призывает всякого, кто сомневается в своем спасении и любви Божией, кто полагает, что Бог не простит его греха, вернуться к библейским обетованиям Божиим, зная, что Он всегда верен Своему Слову, — вспомнить об объективном факте своего Крещения, принять Тело и Кровь Христовы в Святом Причастии, припасть ко кресту Иисуса Христа.

Надежда на обетования Слова Божия, невзирая на чувства, — это и есть вера. Вот почему любые испытания, большие и малые, упражняют нашу веру. «Ибо мы ходим верою, а не видением» (2-е Коринфянам 5:7). В темноте, не имея возможности ничего разглядеть, мы слушаем голос Божий и так приближаемся к Богу сокрытому.

Другая духовная польза испытаний в том, что они побуждают нас к молитве. В минуты отчаяния — впадая в панику и не контролируя ситуацию, в автомобильной аварии, выслушав раковый диагноз, теряя любимую — мы неосознанно обращаемся к молитве. Это свойственно даже неверующим. Христианам такие моменты открывают их полную зависимость от Бога, осуществление которой и составляет сердцевину веры. В отчаянной нужде наши молитвы особенно прочувствованны и страстны, всегда искренни и непосредственны. «Такая молитва, — говорит Густав Вингрен, ссылаясь на Лютера, — не может быть произнесена, если человек не находится в острой нужде и глубоком отчаянии. Ибо какова была бы эта молитва, если бы нужда не давила на нас всю свою тяжестью?» Повторю, что призыв к Богу из глубины отчаянной нужды является актом веры и приближает нас к сокрытому Богу, Который отвечает на наши молитвы.

О том, как все это происходит в обычной жизни, как вера, молитва и сокрытость Божия преобразуют нас день ото дня, мы поговорим в следующей главе. Но уже сейчас необходимо запомнить, что хотя Бог сокрыт от нас, — мы не видим и не чувствуем Его, неся свой крест, — Он все же реально присутствует в каждом испытании, однако это присутствие можно постичь только верою.

Более того, духовная жизнь христианина также сокрыта. «Ибо вы умерли, — говорит Святой Павел, — и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге. Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе» (Колос. 3:3-4). Будучи погребена со Христом в Крещении и соединена с Его крестом в вере, жизнь христианина «сокрыта». После воскресения мертвых, в вечной жизни на Небесах не будет крестов, и мы сможем ясно видеть Бога во всей полноте. Но пока жизнь христианина сокрыта со Христом.

Говоря об оправдании, мы еще почти ничего не сказали об освящении, посредством которого христианин возрастает в святости. Следующая глава будет посвящена добрым делам в мире. Однако взаимоотношения между человеком и Богом строятся исключительно на вере, а не на человеческих делах, и освящение по преимуществу является возрастанием в вере. Неся свой крест, мы возрастает в испытаниях, заставляющих нас все больше полагаться на Бога и тем самым помогающих нам укрепляться в вере. Добрые дела, как мы увидим, являются непосредственными плодами веры. Христиане, которым недостает добрых дел, нуждаются в укреплении веры и более глубоком понимании Евангелия, в свою очередь производящих такие дела.

Освящение и духовное возрастание не проходят гладко. Возрастание в вере и в совершении добрых дел — неотъемлемые элементы учения об освящении, но и в том и в другом святость христианина не всегда очевидна. Неудачи, ханжество, сомнения, недостаток любви, притворство, эгоистическая гордыня и тайные грехи плоти прочно вписаны в историю христианских церквей.

Церкви зачастую производят жалкое впечатление, а посещающие их христиане мало чем отличаются от своих неверующих соседей. Каждому христианину, как правило, приходится признать справедливость таких обвинений, что мы и делаем ежедневно. Отношения христианина с Богом подвержены перепадам от восторженной близости до ощущения полного забвения, от бурлящей духовной энергии до состояния духовного опустошения. Небольшие успехи часто бывают скрыты постоянными неудачами, после которых все приходится начинать заново. Если Бог на самом деле действует в жизни христиан, то не следует ли ожидать большего?

Лютер много говорит о противостоянии нашего «ветхого человека» с «новым». Обращенный грешник, приняв Крещение, получает новую духовную природу, новую жизнь во Христе через живущего в нем Святого Духа. Но и ветхая греховная природа, присущая нашей падшей плоти, остается в нас (Галатам 5:16-26). В их борьбе христианин все еще может поддаваться своей греховной плоти, которую необходимо обуздывать, в то время как «новый человек» должен возрастать в любви и вере. Лишь после плотской смерти разрешается этот конфликт, и наша обновленная природа достигает полного совершенства в жизни вечной.

До того момента новый человек сокрыт. Это не причина, а тем более не оправдание неудач христиан в их призвании. Их истинное положение перед Богом сокрыто даже от них самих. Бог видит христиан через крест: наши грехи и падения покрыты Кровью Христа; наша обыденная жизнь сокрыта, и мы облеклись праведностью Христовой. Глядя на христианина, Бог видит Иисуса.

По словам Св. Павла, наша жизнь сокрыта «со Христом». Наши грехи сокрыты в кресте. Наша праведность сокрыта в Его праведности. Наша греховная жизнь сокрыта от Бога. Наша святая жизнь сокрыта от нас и от мира.

На этом основана наша духовная уверенность. Жизнь христианина надежно сокрыта. И хотя лютеране веруют в предостережение Закона о том, что христианин, не раскаявшийся в своем грехе и отвергающий веру, может отпасть, Евангелие изгоняет всякий страх.

«Дух дышит, где хочет, — говорит сам Иисус, — и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и

куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Иоан. 3:8). Дух Божий действует в жизни каждого христианина, незримо изменяя сердца, воздействуя через Слово и Таинства, помогая в трудностях испытаниях, созидая тех, кто предстанут перед Богом на Небесах *святыми*. Но этот процесс нельзя увидеть обычным взглядом, его нельзя измерить и проследить, даже сам христианин не всегда может его оценить.

Обычный член общины, возможно, не производит большого впечатления. Его неудачи очевидны, он раздражителен, порой склонен к сплетням, а вместо духовных высот взгляд его зачастую устремлен в мир. Но все же его жизнь сокрыта со Христом в Боге. Каждое воскресенье он слышит Слово Божие о суде и прощении. Он исследует свое сердце у алтаря, принимая предлагаемые ему Тело и Кровь Христовы. Он не всегда образцовый муж, но когда его жена умирает, он в несчастье взывает к Богу. Такие люди часто немногословны, но в сложных ситуациях проявляют удивительно сильную веру.

Сейчас принято высказывать сомнение в том, что каждый церковный прихожанин является «истинным христианином», и отвергать «мертвые церкви», требуя постоянного духовного движения. Разумеется, в приходских списках можно найти неверующих, в некоторых церквях не проповедуется Евангелие, и потому они мертвы, несмотря на высокую посещаемость, существуют и духовные гиганты, заставляющие нас устыдиться своей пассивности. Тем не менее, перифразируя Клайва Стейплза Льюиса, обычный человек может в глазах Божиих быть благословенным святым, перед которым, если бы только это знали, мы Упали бы на колени. Ни в коей мере мы не Должны судить об этом по внешним признакам.

Нельзя доверять внешним вещам, когда, страдая, мы сомневаемся в близости Божией, в своей способности угодить Ему или в самом Его существовании. Мы не должны судить по внешним признакам, размышляя и о том, что происходит во время церковного служения с водой, хлебом и вином, или когда пастор читает и проповедует Слово с кафедры. Судя по внешнему виду, мы никогда не признали бы воплотившегося Бога в Иудейском плотнике. Его мучительная смерть на Голгофе показалась бы нам отвратительным, бессмысленным актом жестокости. Мы никогда бы не увидели в этом спасения для всего мира.

ПРИЗВАНИЕ:

ДУХОВНОСТЬ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Есть еще одно место, где Бог сокрыт - наша обыденная жизнь. Мы занимаемся обычными рутинными делами, ходим за покупками, стараемся быть хорошими гражданами, проводим время со своими семьями, и в каждой из этих сфер Бог действует человеческими средствами. Лютер описывает различные виды деятельности - родителей, фермеров, рабочих, солдат, судей, продавцов и тому подобные - как «маски Бога».

Учение Лютера о «призвании», вероятно, наиболее ценно из всего, что он внес в понимание духовной жизни. Критически относясь к идее мистического вознесения к Божеству и утверждая, что Бог нисходит ко грешнику в средствах благодати, Лютер положил основание тому, что можно назвать мистицизмом обыденной жизни. Отрицая, что спасение достигается добрыми делами, и утверждая, что прощение - это безвозмездный дар, учение Лютера о призвании наделяет добрые дела особым духовным значением. Если иногда он низводит людей до состояния существ грешных и ограниченных, в своем учении о призвании он возносит их на удивительную высоту. В этом учении духовность, нисходя на землю, преображает нашу повседневную жизнь.

Сегодня работа определяет нашу жизнь еще более, чем во времена Лютера. Напряженный распорядок дня, многочисленные обязательства, разрывающие нас на части, накапливают усталость. Мы не всегда в состоянии оценить правильность своего выбора или ценность того, что делаем. Работа зачастую тормозит нашу духовную жизнь, заставляя нас идти на нравственный компромисс, делать выбор в пользу «мирских ценностей», лишая внимания собственные семьи. Нас обескураживают неудачи, неспособность добиться успеха в такой степени, как хотелось бы. Тем не менее, работа остается центром нашей жизни, средоточием наших притязаний и достижений.

«Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» - спрашиваем мы у ребенка, не ожидая ответа: «хорошим человеком», «любителем природы» или «человеком со множеством увлечений». Мы имеем в виду только профессию. «Я учитель», говорим мы о себе, «оператор» или «помощник управляющего». Наша профессия неотделима от самого нашего образа.

В конце концов, неразрывно связывая себя со своей работой, мы приходим к извращенному пониманию своего места в жизни. Работа может стать поводом для игнорирования более важной роли мужа или жены, гражданина, матери или отца. Те, чей бесценный труд не оплачивается - домохозяйки и матери, а также пенсионеры, чувствуют себя выброшенными из общего потока. Работа превращается в погоню за положением, когда мы начинаем сравнивать одну профессию с другой, оценивая людей по престижности их занятия. Несмотря ни на что, мы неизменно позволяем работе определять, кто мы такие.

В то же время наш мир, вращающийся вокруг работы, занимают и другие проблемы: как построить хорошую семью и воспитать детей. Нас охватывают экономические трудности, нам требуется все больше денег, чтобы потратить их на то, что нам необходимо или нравится. Будучи гражданами своей страны, мы зависимы от политики, действий правительства и юридической системы.

Все, что составляет нашу жизнь, освещается учением о призвании, придающим особое значение и

верное направление каждой из этих областей.

МАСКИ БОГА

Бог всевластен по отношению к каждой части Своего творения. Он не создал вселенную посредством огромного взрыва, оставив ее развиваться самопроизвольно. Он поддерживает ее существование, «держит все словом Своей» (Евреям 1:3). Бог управляет всем и тесно связан со всем, что Он сотворил, то есть со всем, что существует. Его власть распространяется на законы физики и движения галактик, судьбы народов и жизнь каждой мелкой птички (Матф. 10:29), Его провидение простирается на неверующих наравне с верующими.

В лютеранском богословии говорится о *двух царствах* и о том, что Бог по-разному правит на Небесах и на земле. Этот вопрос будет подробнее рассмотрен в следующей главе, сейчас нам необходимо запомнить, что Бог есть царь обоих пределов. Он деятелен в духовном и в земном царствах, и в каждом Он действует особыми средствами. Мы уже видели, что в духовной области Он использует Слово и Тайнства. В земной - Он правит через *призвание*.

В Молитве Господней мы просим Бога о хлебе насущном, который и получаем от Него. Свою пищу мы получаем не как израильтяне, в виде манны с небес, но через труд фермеров, водителей грузовиков, пекарей, продавцов и многих других. Фактически, наш хлеб насущный приходит к нам посредством функционирования целой экономической системы - начальников и подчиненных, банков и инвесторов, транспортной инфраструктуры и технических средств производства, все части которой взаимозависимы и необходимы для нашего пропитания. Каждое звено этой экономической цепи включает труд, к которому мы призваны, посредством чего Бог и распределяет Свои дары.

Бог исцеляет больных. И хотя Он иногда делает это напрямую, совершая потрясающие чудеса, обычно Он исцеляет нас руками врачей, медсестер и других медицинских работников. Бог защищает нас от зла. Он делает это через полицейских, судей, адвокатов и военных. Бог учит через учителей, руководит обществом через правителей, проповедует Евангелие через пасторов.

Лютер отметил, что Бог мог бы населять землю, творя каждого человека и каждое поколение из праха земного. Вместо этого Он создал семьи. По предопределению Божию каждый ребенок - частичка новой жизни - приходит в мир и возрастает заботами и трудами мужчины и женщины, соединенных узами семьи. Муж, жена, мать, отец - все это призвания, через которые Бог распространяет Свое творение и являет Свою любовь.

Все вышесказанное показывает, что в земном царстве, как и в духовном, Бог подает нам Свои дары особым способом. По предопределению Божию, людей соединяет любовь, взаимоотношения и общение, в которых каждый зависит от другого. Таким образом Бог в Своем промыслении заботится о людях, а все мы вносим свой вклад, согласно Богом данным умениям, талантам, возможностям и положению. Итак, каждый становится тем, что Лютер определяет как «маски Бога»:

«Что представляет собою в глазах Божиих наш труд в поле, в саду, в городе, дома, в битве или на троне, как не детскую игру, посредством которой Богу угодно посылать свои дары в поле, дома и повсюду? Это и есть маски нашего Господа Бога, скрываясь под которыми Он предпочитает вершить Свои дела»¹².

Бог, изливающий Свою щедрость на праведных и неправедных, верующих и неверующих, сокрыт во всех жизненных сферах, включая даже самые незначительные. Согласно еще одному из примеров Лютера, Сам Бог доит коров руками доярки.

Каждое призвание является проводником любви Божией. Густав Вингрен, шведский богослов, в своей классической книге на эту тему так обобщает все сказанное:

«В своем призвании человек совершает труды, которые влияют на благополучие других, ибо таковым Бог сотворил каждое служение. Присутствуя в человеческих делах, Бог совершает Свой созидательный труд, который есть любовь и изобилие добрых даров. Посредством людей, являющихся Его «руками» и «сотрудниками», Бог распределяет Свои дары через земные призвания, поддерживая жизнь человека (пищу - через фермеров, рыболовов и охотников; внешний мир - через царей, судей и блюстителей порядка; знание и воспитание - через учителей и родителей, и так далее). Через проповедников Бог дарует прощение грехов. Так любовь Божия достигает каждого человека через наши призвания, через власти духовные и земные».

Таким образом, Бог милостиво заботится о нас руками других людей. Во всем, начиная с попечения

---

12 М. Лютер Комментарии на Псалом 147.

наших родителей и наук, преподанных нам учителями, во всем, чем одаряют нас наши супруги, работодатели и правительства, сокрыт Сам Бог, все являет Его благословения.

Так образуется огромная сложная система, состоящая из людей с разными талантами и способностями. Каждый служит и принимает служение других. У нас, американцев, существует идеал самодостаточности, мы мечтаем о том, чтобы выращивать собственную пищу, строить свои дома и жить независимо от других людей. Но повторю, что человек создан, дабы жить в *зависимости*. Поскольку любовь является центром всего, мы должны полагаться на других людей, и в конечном счете, через них - на Бога; и наоборот (исключая любителей пожить за чужой счет), другие люди должны полагаться на нас. Мы призваны трудиться на благо ближним. В земном царстве Божиим мы получаем Его благословения через труды других людей, а они, в свою очередь, благословляются через нас.

До того как я стал лютеранином и начал постигать учение о призвании, у меня была скверная привычка все в доме ремонтировать самостоятельно, не имея к этому ни малейших способностей. Результатами неизменно становились разочарование, потерянное время, испорченное дело и более высокая плата за ремонтные услуги, чем обычно. Пытаясь починить электрическую розетку, я пробивал дыру в стене и сам едва оставался жив. Теперь я понял, в чем была моя проблема - у меня нет призвания к подобным вещам.

С тех пор я с радостью пожиная плоды призвания слесарей, электриков и плотников, а также автомехаников, парикмахеров, поваров, банкиров и художников. Люди, наделенные умелыми руками, не должны пренебрегать своими талантами, такое многообразие способностей и призваний - само по себе дар Божий. Однако в нашей земной жизни нам не обязательно все делать самим. Жизнь на земле - для верующих и неверующих - состоит в том, чтобы брать и отдавать, служить и принимать служение других в общей экономической, общественной и социальной взаимозависимости.

Нелегкое призвание служить *маской Бога* определяет диапазон и природу христианского служения. «Бог награждает нас всем, что есть доброго, - говорил Лютер, - но... вы должны трудиться, дабы служить Ему как орудие и маска».

ЧТО ЗНАЧИТ ИМЕТЬ ПРИЗВАНИЕ

Слово «призвание» долгое время употреблялось лишь в отношении религиозного служения. Несомненно, труд пастора является важнейшим призванием, ведь он наиболее определенно служит «маской Бога». Однако лютеране первыми применили термин «призвание» по отношению к светским служениям и занятиям. В наше время этот термин получил широкое распространение, став синонимом профессии. Однако за словом стоит представление о том, что всякое законное занятие или общественное служение есть «призвание» Божие, требующее особого дара, умения и таланта.

Цель призвания каждого из нас, каково бы оно ни было, в служении другим. Речь здесь идет о заповеди Христовой возлюбить своего ближнего. Хотя оправдание не зависит от совершенных нами добрых дел, они неотделимы от призвания. Отношения христианина с Богом основаны исключительно на благодати и прощении, даруемых Богом, но отношения с окружающими людьми должны быть основаны на делах, продиктованных любовью. По выражению Вингрена, «наши добрые дела не нужны Богу, но необходимы ближнему».

Человеком оправданным по вере, познавшим прощение Христово и преображенным Духом Святым движет любовь, а не угрожающие заповеди Закона. Но добрые дела, порождаемые этой любовью, совершаются не «для Бога» - как высокопарно заявляют некоторые, а для окружающих людей. Строго говоря, не мы «служим Богу» - это Он постоянно служит нам. Но мы служим своим ближним.

Лютер пошел дальше, утверждая даже, что дела, предположительно совершаемые исключительно для Бога, а не для блага реальных людей, теряют свою нравственную ценность:

«Если оказывается, что ваши дела совершаются во благо Богу, святым или вам самим, а не ближнему, знайте, что это не добрые дела. Ибо каждый должен жить, говорить, действовать, слышать, страдать и умирать в любви и служении ближним, даже своим врагам, муж - своей жене и детям, жена - своему мужу, дети - своим родителям, слуги - своим господам, господа - своим слугам, правители своим подданным, а подданные своим правителям, так чтобы ваши руки, уста, глаза, ноги, и сердечные побуждения были бы направлены к окружающим. Таковы христианские дела, добрые по природе своей»¹³.

В понимании Лютера, аскетическое самоотречение, попытки умиловить Бога, личный морализм - вовсе не добрые дела, которые всегда выражаются в помощи ближним.

Лютеранство часто обвиняют в антиномизме, слишком снисходительной недооценке нравственных законов в свете безвозмездного евангельского дара, но это глубокое недопонимание. Наши взаимоотношения с Богом не определяются добрыми делами, ведь греховная природа никогда не позволит нам заслужить милость

13 М. Лютер. *Adventspostille*.

Божию определенным их количеством - мы нуждаемся в прощении грехов и совершенном деянии Христовом. Но отношения с ближними определяются именно добрыми делами, совершаемыми нами только благодаря Богу, действующему в нас. На самом деле лютеранство переносит нравственные заповеди из области абстрактного богословского теоретизирования в царство реальной жизни.

К сожалению, и в призвании своем люди продолжают грешить¹⁴. Мы нарушаем Закон Божий, пренебрегая обязанностью любить ближних и самоотверженно служить им своим трудом. Несмотря на то, что мы мешаем Богу действовать в нас и через нас, существует нечто в самом призвании, позволяющее нам делать добро другим даже вопреки самим себе. Существует даже, как показывает Вингрен, ирония в конфликте между нашими эгоистическими наклонностями и тем, как Бог сокровенно действует через различные призвания:

«Здесь мы сталкиваемся с тем, что для Лютера представляло разительный контраст между самоотверженной любовью Бога и эгоизмом человека. Увлекаемые собственной волей люди стремятся к тому, чтобы получить выгоду из всего происходящего. Когда в браке муж и жена служат друг другу и своим детям, это не говорит о желании ежедневно и ежечасно проявлять свою любовь свободно и естественно. Скорее сам институт брака заставляет мужа сдерживать свои эгоистические желания и в равной степени смиряет эгоистические побуждения жены. В семье действует определенная сила, заставляющая нас отдавать себя супруге или супругу и детям. Таким образом, само являет нравственные требования, ибо Господь воздействует на земную жизнь через Закон».

Вступление в брак заставляет нас, самовлюбленных эгоистов, заботиться друг о друге и поддерживать друг друга в гораздо большей степени, чем если бы мы оставались одинокими. Становясь родителями, взрослые, вопреки природному эгоизму, жертвуют собственными потребностями ради благополучия своих детей. Они поступают так не по навязанному извне обязательству, но именно потому, что они родители и добровольно делают это для своих детей.

Точно так же владелец компании может не задумываться о любви к ближнему или служении другим. Возможно, что им движет только алчность. И все же, благодаря своему призванию, он создает рабочие места и позволяет сотрудникам заботиться об их семьях. Продукция его компании нужна людям, она приносит им радость, делая производителя благословением для ближних. Греховность людей не в состоянии помешать Богу использовать их профессиональное призвание.

Но как нам найти свое призвание? Строго говоря, — и вопреки тому, что мы понуждаем молодых людей «решать», чем они хотели бы заниматься, когда вырастут, — мы не выбираем свое призвание. Оно дается нам Богом, который «призывает» нас к определенному труду или положению. Бог дает каждому уникальные таланты, умения и наклонности. Он помещает человека в особое стечение обстоятельств, которое следует рассматривать как провидение Божие. Поскольку призвание не выбирают, его можно узнать через действия окружающих. Предложение работы, избрание на пост, чье-то желание вступить с вами в брак могут подсказать вам путь к вашему призванию.

В сущности, призванию следует искать там, где вы в данный момент находитесь. Человек, засидевшийся на бесперспективной работе, возможно, желает большего, но именно к этой работе, сколь бы скромной она ни была, он призван в настоящий момент. Приготавливать гамбургеры, убирать гостиничные номера или выносить судно - каждое из этих занятий обладает своим достоинством и позволяет проявить любовь к ближнему бескорыстным служением, в котором скрывается Бог. Возможно, позднее появится другая работа, однако призвание следует искать не только при выборе профессии, но и каждую минуту жизни. Нельзя употреблять «отсутствие призвания к жизни в браке» как повод для развода или «отсутствие призвания к воспитанию детей» для того, чтобы перекладывать эту ответственность на чужие плечи. Если вы женаты или замужем, в этом и есть ваше призвание. Если у вас есть дети, - ваше призвание в них.

Кроме того, обычно не бывает одного призвания. У любого из нас их множество. Каждый человек может в одно и то же время быть мужем (служа своей жене), отцом (служа своим детям), сыном (служа своим родителям, если они живы), работодателем (служа своим работникам), работником (служа своему начальству), гражданином (служа своей стране). Обратите внимание на то, что один и тот же человек на своей работе может одновременно быть «хозяином», контролирующим работу подчиненных, и «служгой», ответственным перед руководством - директором, акционерами или избирателями. Любая работа может потребовать и умения руководить, и умения подчиняться. Учение о призвании помогает разобраться в разнообразии исполняемых нами ролей, наделяя каждую из них своим достоинством и значением.

---

14 Существуют также профессии – грабители, наркодельцы, убийцы, изготовители порнографической продукции, - которые не могут быть призванием, поскольку греховны по природе своей, несовместимы с любовью и служением ближнему, так как нацелены на то, чтобы совращать и причинять боль.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ПРИЗВАНИЮ И ВНЕ ЕГО

Каждое призвание имеет свои особенные компетенции и сферы деятельности, каждое подчиняется своим правилам. Было бы крайне безнравственно для любого из нас раздеть незнакомого человека и разрезать его тело ножом. Однако это вполне допустимо, если ваша профессия - врач¹⁵. Половые отношения аморальны вне брака, но между мужем и женой - они благословенны.

Когда кто-то причиняет нам боль, наше первое желание - месть, строго запрещенная Писанием. Борьба с преступностью - погони, перестрелки, аресты или казни - не есть наше призвание. Однако именно таково призвание полицейских, судей и всей юридической системы: «Не мстите за себя, возлюбленные, - пишет Св. Павел, - но дайте место гневу *Божью*. Ибо написано: "Мне отмщение, Я воздам", - говорит Господь» (Римлянам 12:19). В следующих далее стихах скорее подчеркивается необходимость прощать врагов наших, кормить их, когда они голодны, и побеждать зло добром (12:20-21). Но сразу за этим следует рассмотрение роли земных властей и необходимости им подчиняться: «Ибо нет власти не от Бога» (13:1). Земной правитель «есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (13:4). То есть мы не должны брать отмщение в свои руки — это дело Божие. Но Он действует через своих «агентов», которые по долгу призвания «носят меч».

Наиболее горячие споры времен Лютера касались того, может ли христианин быть судьей, палачом или солдатом. Ведь в Библии сказано: «Не убивай». Однако судье приходится выносить смертный приговор, а палачу приводить его в исполнение. Солдаты в бою убивают, а не прощают своих врагов. Лютер не сомневался в том, что христианин не должен лишать жизни других людей. Однако Бог имеет такую власть, и делает Он это через особых служителей закона — судей, палачей и солдат. В трактате, озаглавленном «Могут ли воины обрести Царство Небесное» (1526) Лютер заключает, что солдат тоже служит и любит своих ближних. В личных отношениях, будучи христианами, солдаты должны прощать своих врагов, но защищая страну, они призваны сражаться и даже убивать на поле брани. Военная служба в действительности — «благословенное» служение любви:

«Таким образом, если у воина есть от Бога способность воевать, то может он, видя в ней свой промысел и ремесло, служить тому, кто в нем нуждается, и брать жалованье за это, как за свою работу. Потому что это тоже профессия, необходимость которой предопределена законом любви»¹⁶.

Также я убежден, что поскольку призвание отца подразумевает защиту своей семьи, для этого он может применять силу. Однако призвание врача — лечить, а не убивать (следовательно, эвтаназия недопустима). Призванное матери — растить своих детей (следовательно, недопустимы и аборты).

Некоторые считают, будто подобный взгляд на власти и даже на армию открывает двери для тирании. Как будет показано в следующей главе, это вовсе не так. Бог правит обоими царствами, и Его Слово властно надо всем. Люди, грешащие в своем призвании, извращающие Божие предназначение профессии, пренебрегающие самоотверженным служением и любовью к ближнему, соответственно подвергаются наказанию и гневу Божью. Нам же важно помнить, что Бог практически осуществляет свою власть через людей определенных призваний. Законные правительства наделены властью от Бога, равно как и родители¹⁷.

В результате того, что Бог определяет сферу деятельности каждого призвания, возникают проблемы, когда люди начинают действовать за пределами своего призвания. Вспомните еще раз о моих попытках отремонтировать электроприборы. Стремясь действовать вне своего призвания, не задумываясь о способностях, наклонностях и положениях в жизни, данных нам Богом, мы зачастую терпим неудачи или, что еще страшнее, нарушаем нравственные заповеди.

Случается, и довольно часто, что мы стремимся получить профессию, к выполнению которой у нас нет способностей, а следовательно, и призвания. Многие мои студенты выбирают специальность, руководствуясь только заработной платой, независимо от того, какими талантами наделил их Бог. Они становятся бухгалтерами, управляющими или инженерами, хотя вскоре возненавидят свою работу и никогда не добьются в ней успеха. Их призванием может быть музыка или изобразительное искусство, но они стараются быть «практичными» — словно мы сами выбираем свое призвание, — отвергают дары, определенные им Богом, пытаются развивать отсутствующие у них таланты. Есть преподаватели, которым не дано стать хорошими учителями. Есть политики, не наделенные способностью управлять. Однако, занимая свое положение, им следует помнить, что они призваны и обязаны работать как можно лучше.

¹⁵ С другой стороны, врачу, совершившему подобные действия за рамками своей профессиональной деятельности, будет предъявлено обвинение в сексуальном домогательстве или убийстве.

¹⁶ Цит. по: Мартин Лютер. *Время молчания прошло*. Избранные произведения 1520—26 гг. Харьков, «СОКО», 1992. С. 216. — *Прим. ред.*

¹⁷ Более того, Лютер в своем «Кратком катехизисе» выводит представление о земной власти из более первичной власти родителей (см. его разъяснение Четвертой заповеди).

Вместе с тем, лучше полагаться на свои особые дары.

Более серьезные последствия могут быть вызваны вмешательством людей одного призвания в то, что является прерогативой других. Повторю, что частные лица не имеют права «брать правосудие в свои собственные руки». Равно как и государство не может присвоить себе право воспитывать детей, это право принадлежит родителям. Лютера особенно возмущало, когда мирские правители позволяли себе поучать пасторов, как проповедовать. Его возмущение выразалось в форме, которая снимает с него любые обвинения в служении светским правителям: «Глупец! — говорил он князю. — Займись тем, к чему ты призван, не пытайся проповедовать, оставь это своему пастору»¹⁸.

ПАСТОРСКОЕ ПРИЗВАНИЕ

Пасторское служение — это, конечно, особое Божие призвание, не только в земном, но и в духовном Его царстве. Разумеется, в глазах Божиих пасторское призвание не имеет преимуществ перед призванием фермера, рабочего или другим мирским трудом. Евангелические лютеране всегда подчеркивали первостепенное значение «священства всех верующих» и того, что через Иисуса Христа все христиане имеют личный доступ к Богу. Но все же лютеране неизменно высоко ценят пасторское служение.

При исповедании и отпущении грехов, согласно традиционному лютеранскому литургическому порядку, после того как члены общины исповедали себя «бедными грешными людьми», пастор произносит следующие слова: «На основании этого вашего исповедания я, как призванный и посвященный служитель Слова Божия, провозглашаю вам благодать Божию и от имени и по повелению Иисуса Христа, Господа нашего, прошоу вам грехи ваши во имя Бога Отца, и Сына, и Святого Духа».

Нелютеран часто шокирует тот факт, что пастор прощает грехи, — однако делая это, он лишь еще раз провозглашает Евангелие и «благодать Божию». Он прощает грехи не своею властью, но во имя Иисуса Христа. Каждый член общины может быть уверен в прощении своих грехов, искренне каюсь («на основании вашего исповедания») и веруя не в пастора, а в Слово Божие, Евангелие Христово, провозглашаемое им. Но при этом пастор является конкретным, можно даже сказать, причастным Таинству орудием выражения этого прощения. В Лютеровском «Кратком катехизисе» сказано, что мы должны веровать в прощение, провозглашаемое пастором, ибо оно исходит от Самого Господа. Пастор выступает «от имени и по повелению Иисуса Христа», то есть как маска Божия.

Особенности пасторского служения Слова и Таинств, а также то, что происходит в церкви, будет подробнее рассмотрено в следующих двух главах. Сейчас достаточно отметить, что если другие призвания принадлежат земному царству Бога, пасторское призвание — царству духовному. Другие могут сражаться мечом, говорил Лютер, но пастор — только Словом. Он не имеет права употреблять силу, принуждение или манипулирование людьми, стремясь привести их к вере, он полагается только на силу Слова. Пастор должен проповедовать Слово бескомпромиссно, даже когда оно обличает сильных мира сего и их действия. Вместе с тем, он не должен сам становиться политиком, посягая на призвание земных правителей. Призвание пастора — призывать грешников в царство, которое не от мира сего.

Руками пастора Господь производит Крещение. Христос возглавляет Вечерю, во время которой пастор раздает хлеб и вино. Слово Божие набатом звучит в пасторской проповеди. Лютеранские пасторы носят специальные одеяния и воротнички, символизирующие, что этот человек — сам по себе не отличающийся от своих прихожан, — призван к служению, в котором он действует от имени и по повелению Иисуса Христа.

Миряне тоже служат в церкви, употребляя свои умения и таланты — свое призвание — во благо общины верующих. Управление имуществом, планирование мероприятий, служение в советах и тому подобное необходимо любому учреждению. Миряне могут также провозглашать Евангелие Христово — прежде всего на месте своего призвания. Родители благовествуют своим детям. На работе у нас возникают взаимоотношения с коллегами, с которыми в процессе дружбы и общей работы мы можем делиться Евангелием благодати. Слово Божие проникает в мир через особое призвание, но и миряне, и их пасторы должны помнить, что «церковное служение» — не единственный способ потрудиться для Бога. Приятно проводить каждый вечер в церкви, «совершая труд Господень», но, согласно учению о призвании, время, проведенное в семье, с детьми или посвященное профессиональным обязанностям — тоже труд для Бога, или вернее — труд Божий в вас.

Призвание пастора — служение, он — слуга Слова Божия. Служа мирянам, он питает нас Словом Божиим и Его Таинствами, провозглашает Закон Божий и Евангелие прощения во Иисусе Христе. В этом мы чрезвычайно зависимы от своих пасторов, ведь через них мы приближаемся ко Христу. Значение самого слова «пастор» — просто «пастух», скромное призвание Божие в земном царстве. Пастору поручено пасти овец Господних, и в его призвании, как и в других, сокрыто присутствует Бог.

НЕСЕНИЕ КРЕСТА В ПРИЗВАНИИ

---

18 М. Лютер. Комментарии на Евангелие от Иоанна 1 и 2.

При всей возвышенной духовной значимости повседневной жизни, которую наделяет ее учение о призвании и то, что Бог активно присутствует в наших трудах и взаимоотношениях, мы по-прежнему терпим неудачи, страдаем и испытываем разочарования в своем призвании. Родителям, сделавшим все для своих детей, приходится с болью видеть, как их дети отворачиваются от них. Владелец компании может стать банкротом, и все его служащие окажутся на улице. Община может отвернуться от своего пастора. Проблемы неизбежны в каждом браке. Часто или время от времени наше призвание превращается в непосильную ношу, в крест, который приходится нести. Богословие креста применимо, в частности, и к призванию.

Поскольку Бог действует через наше призвание, диавол пытается извратить само это понятие. Одним из способов является подмена жертвенного служения и любви к ближнему «богословием славы», самовозвеличиванием, гордыней и достижением духовно пустого успеха. «Желание возвыситься вместо желания служить, - отмечает Вингрэн, - отношение к занимаемому положению как к возможности властвовать, вместо того чтобы служить, - есть преступление против своего призвания».

Еще один диавольский прием - отвлечь человека от его призвания. «Искушение состоит в том, - говорит Вингрэн, - что диавол пытается заставить человека отказаться от своего призвания». Так возникает соблазн сдать - развестись, оставить своих детей, бросить работу, перестать писать музыку или «зарыть в землю» другие свои таланты.

Неся крест своего призвания, мы часто испытываем ощущение, будто наш труд напрасен. «Когда призвание становится для нас крестом, - говорит Вингрэн, - оно всегда кажется низким». Ирония заключается в том, что даже самое престижное из призваний, дающее власть над людьми, может вызвать такие чувства. Президенты и миллионеры зачастую страдают от сознания своей ответственности и ощущения собственной неспособности ее нести. «Для постороннего взгляда, - говорит Вингрэн, - некоторые призвания как будто окружены особым блеском. Но изнутри видно, что и они требуют жертвенного служения ближним, которое является крестом для нашего ветхого человека».

Существуют также и обычные тяготы, присущие любому призванию. Эти разочарования и страдания вбирает в себя крест Христов в тот момент, когда мы яснее всего осознаем свою слабость и зависимость от Него. Чувству «низости» призвания можно сопротивляться из гордости, но оно может и воспитать смирение. Неспособность преуспеть собственными трудами производит в нас более глубокую веру в Бога, сокрытого под маскою.

Испытания в призвании побуждают нас к молитве. «Тот кто трудится, знает, что временами все человеческие пути бывают закрыты, — замечает Вингрэн. — По существу, это и есть время для молитвы». Когда мы в состоянии решать свои затруднения собственными усилиями и изобретательностью, нет нужды обращаться к Богу. Но когда от проблем голова идет кругом, когда все рушится, мы в отчаянии простираем руки к Богу. Наиболее напряженная и страстная молитва вырывается из нашего сердца во времена испытаний. «Ибо что это была бы за молитва, — говорил Лютер, — если бы подступившая нужда не делала ее сильнее?» «Такая молитва, — комментирует Вингрэн, — преображает свою силу, она возносится человеком только в глубокой нужде и в отчаянии».

Такая молитва не остается без ответа. «Мы отчаиваемся в своем призвании, и это побуждает нас молиться. Однако ответ Божий также приходит через наше призвание — отвечающее на молитву Господне вмешательство тесно связано с... преобразованием исполнения нашего призвания». В свою очередь, молитва приглашает Бога в наши труды. Мы посвящаем свои дела Богу, подчиняясь Его воле и полагаясь на Его провидение. Вот еще одна замечательная цитата из Вингрена: «Молитва — это дверь, через которую Бог, наш Создатель и Господь, совершает свой труд в наших семьях, обществе и делах».

Кроме того, молитва приносит веру в наше призвание. Зависимость от Бога, выраженная в молитве, есть проявление веры. Без веры призвание воспринимается как бессмысленное занятие, в котором Богу нет места. Вера видит в нем одну из масок Бога. Без веры страдания пусты и бесцельны, они — лишь доказательство абсурдности и бессмысленности бытия. С верою испытания в призвании становятся крестом, понять значение которого можно лишь через спасительный крест Иисуса Христа.

Вингрэн заключает:

«Наше призвание связано с землею так же, как человечность Христа, казалось бы, лишённая всякого Божества. В распятии Христа Божия природа присутствовала, хотя и сокрыто. Она присутствовала в "низкой" любви к разбойникам и солдатам.

Подобным же образом Бог скрывает Свои деяния любви к людям в призвании, отмеченном крестом, приносящем реальную пользу ближним. В победе Христа на кресте под ее кажущимся ничтожеством, под победой любви в «низости» — сокрыт Господь. Потому на третий день произошло воскресение. Ныне победа Христова несет Благою Весть утомленному испытаниями человеку, который в трудах своего призвания переживает распятие ветхой природы. Через веру в Евангелие я воскресаю новым человеком, рожденным в Церкви, с упованием обретения Небес и вечной жизни

после смерти телесной. Из беспокойного земного существования нам открывается перспектива жизни и свободы грядущего царства. Лишь один путь ведет в него — покорность кресту в этом мире».

ЖИЗНЬ В ДВУХ ЦАРСТВАХ:

ДУХОВНОЕ И МИРСКОЕ

Учение о призвании наделяет особым духовным смыслом обыденную жизнь, освящая так называемую мирскую сферу нашего бытия. Семья, работа, руководство и другие измерения общественной жизни открывают бесчисленные возможности для проявления любви, служений и деяний Божиих. Однако учение об оправдании принадлежит иному миру, означая избавление несовершенных людей из сетей греховного мира для вечной жизни на Небесах. Лютеранская духовность подтверждает обе эти истины. Как и в других великих парадоксах — греха и благодати, Закона и Евангелия, Христа как истинного Бога и истинного Человека, Причастия как хлеба и вина, а также одновременно Тела и Крови Христа — лютеранство настаивает, что христианин является жителем двух царств.

Представление о том, что Бог повелевает как земным, так и духовным царством, каждым из которых Он управляет по-разному, хотя и схожими методами, освобождает христианина для полноправного участия в светской жизни, не делая его рабом. Учение о *двух царствах* являет христианину образ активности в мире, сохраняя его от политических или богословских утопий. Оно преобразует жизнь христианина, не позволяя ему погрязнуть в мирской суете. Одновременно христианин живет в мире своим призванием и на Небесах верою.

ХРИСТИАНСТВО И КУЛЬТУРА

Вопрос о том, как жить духовной жизнью в бездуховном окружении — один из самых мучительных в жизни христианина. Могут ли христиане смотреть телевизор, ходить в кино и позволять себе другие «мирские» удовольствия? Насколько христиане должны отличаться от окружающих? Следует ли христианам удаляться от греховного общества или стараться изменять его? Богословские споры о правильных взаимоотношениях веры и культуры разделяют церкви и смущают сердца прихожан. Следует ли Церкви вмешиваться в политику? Имеем ли мы право насаждать христианскую нравственность среди неверующих? Должна ли Церковь приспособлять свою веру и практику к культурным изменениям? Существуют различные взгляды на этот извечный конфликт между Церковью и государством, духовным и мирским.

Один из путей решения проблемы — отождествление религии и культуры. Большинство мировых религий являются именно культурными религиями. Религиозные убеждения способствуют подтверждению общественных устоев. В естественных религиях различных племен каждое общественное установление связано с особым богом, пояснено и оправдано мифологическими свидетельствами. Во многих языческих верованиях правитель считается богом или потомком богов, а природа, культура и религия сотканы в единую неразрывную паутину. Индуизм с его кастовой системой и ритуалами неотделим от индийской культуры. Принятие ислама означает обязательное усвоение культуры, связанной с определенными устоями в одежде, питании, законах, а также с арабским языком. Иудаизм позволяет одновременно быть атеистом и иудеем. Многие рассматривают свою религию - лишь как элемент культурной принадлежности.

Общественная роль религии столь значительна, что и христианство порой становится одной из культурных религий. Православные сербы и хорваты-католики считают религию достаточным основанием, чтобы убивать друг друга, но, насколько я знаю, и те и другие редко посещают церковь. Думаю, что и в Северной Ирландии немало католиков-атеистов и подобных им протестантов, стремящихся уничтожить друг друга. Менее трагический путь - это когда принадлежность к определенной разновидности христианства превращается в признак национальной идентичности. Это особенно очевидно в американских церквях, основанных иммигрантами. Мы можем наблюдать польских и ирландских католиков, немецких и скандинавских лютеран, отмечающих национальные праздники во дворах своих церквей.

Несомненно, христианство может поддерживать и трансформировать определенную культуру, которая в свою очередь является частью Божия земного царства и контекстом нашего призвания. Однако, строго говоря, христианство призвано стать всеобщей универсальной верой для представителей всех культур. Иисус повелел Своим ученикам проповедовать и крестить «все народы» (Матф. 28:19). Среди искупленных, пребывающих на Небесах, есть люди «из всякого колена и языка, и народа и племени...» (Откр. 5:9) - то есть из всех культур.

Итак, если христианство не тождественно культуре, каковы должны быть их взаимоотношения? В своей знаменитой книге *Христос и культура* Ричард Нибура говорит о наличии ограниченного числа возможных соотношений, каждое из которых нашло свое отражение в формах христианского богословия¹⁹.

По мнению некоторых людей, конфликт между христианством и культурой всегда должен разрешаться

19 Я не полностью принимаю парадигму Нибура, полагая, что понятия «Христос над культурой» и «Христос, преобразующий культуру» в сущности своей совпадают.

в пользу культуры, которая управляет Церковью. В век науки Церкви надлежит смягчать свои сверхъестественные учения. В век романтики Церковь должна придавать больше значения субъективным эмоциям. Терпимость ко внебрачным половым отношениям, преобладающая в обществе, должна проникнуть и в Церковь. Таково мнение «либерального богословия». Оно постоянно меняло формы, в зависимости от культурных тенденций своего времени. Предполагается, что Церковь должна изменяться по мере того, как изменяется общество, чтобы не терять культурной актуальности.

В либеральном богословии мирским поглощается духовное. Христианство сводится к еще одной культурной религии, обедняется и обесмысливается. Другие подобные религии, по крайней мере, обладают властью и влиянием, но богословский либерализм обслуживает мирские веяния. Ирония состоит в том, что хотя такие взгляды сводят к минимуму сверхъестественный статус Церкви, они являются прибежищем для многих священников и богословов, способом увеличить число своих прихожан, «не отставая от жизни». Миряне быстро понимают, что, если культура доминирует, и Церковь не может предложить ничего иного, лучше просто хорошенько выспаться воскресным утром.

Другие люди в противостоянии между верой и греховным миром ведут себя более героически. Они пытаются изменить мир, устремляясь к политическому активизму и социальным реформам. Они верят, что посредством законности, политических свобод и общественного переустройства можно привести мир в согласие с Божиими нравственными заповедями.

К подобной деятельности прибегали как правые, так и левые политические деятели, у нее продолжительная и зачастую славная история. Однако превращение церкви в политические комитеты чревато тем, что, сосредоточившись на земном вместо сверхъестественного, они переходят в разряд просто светских учреждений.

Однако даже устройство на земле совершенного общества означало бы возникновение новой религиозной культуры. Рай, построенный человеческими руками на земле, далек от истинной верной жизни. Повторю, христианство должно быть больше чем просто культурной религией.

Иногда конфликт веры с культурой побуждает христиан покидать греховный мир. Они удаляются от мирских радостей и норм поведения. Некоторые погружаются в аскезу, избегая удовольствий и общественных занятий, принимаемых более светскими собратьями. Другие позволяют себе определенные развлечения, при условии что музыка, книги и фильмы имеют христианское содержание. Те, по мнению которых Церковь должна быть отделена от культуры, часто пытаются создавать свои сообщества на основе христианских принципов, примером чего могут быть американские менониты, отказавшиеся от современных удобств ради сохранения чистоты своего сообщества. Эти же тенденции можно наблюдать в создании несколько десятилетий назад христианских районов, в росте числа христианских предприятий и учреждений, составляющих христианскую субкультуру.

Многими из подобных начинаний можно восхищаться. Христианам следует удаляться от греха. Самоотречение и отказ от мирских ценностей истинные добродетели. Но и такой подход может оказаться проблематичным. Прежде всего, Библия призывает нас к служению ближним и активности в мире. Укрываясь в своих христианских сообществах, мы в буквальном смысле позволяем миру катиться в ад, что нелегко оправдать Писанием. Кроме того, возникающая субкультура приобретает собственные проблемы — постоянные политические интриги, погоню за положением и мирские заботы, присущие внешней культуре. От проказы греха, разрушающей все культуры, нелегко избавиться.

Пытается ли Церковь управлять культурой или формировать свою собственную, корни греха слишком глубоки. Ни одна из попыток не может быть успешной. Христианские монархии разрушает коррупция. Христианские сообщества распадаются под давлением зависти, несходства характеров и откровенного греха. Никто, включая и христиан, не в состоянии жить нравственно совершенной жизнью, а тем более побудить к этому кого-то другого. Посему любые попытки возвести на пьедестал совершенную христианскую культуру обречены.

Проповеди о приспособлении к обществу, его перестройке или отделении от него основаны на Законе, а не на Евангелии. Они низводят христианство до свода поведенческих правил и схем, игнорируя тот факт, что люди греховны и не в состоянии исполнить Закон. На более глубоком уровне они пренебрегают сутью христианства — благодатью Божией, искупительной жертвой Христа и прощением греха. Другими словами, в стремлении построить свое царство они опираются на богословие славы, а не креста.

ОБИТАТЕЛИ ДВУХ ЦАРСТВ

Однако и активная общественная жизнь, и удаление от мира имеют свою ценность. Возможно ли их соединить? Библия очевидно предлагает гораздо более сложный взгляд на отношения христианства и культуры. В молитве о Своих учениках перед арестом в Гефсиманском саду Иисус так описывает ситуацию:

«Я передал им слово Твое; и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира. Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла. Они не от мира, как и Я не от мира. Освяти их истиною Твоею; слово Твое есть истина. Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир...» (Иоан. 17:14-18).

Его ученики — а Христос причисляет к ним не только Своих Апостолов, но и «верующих в Меня по слову их» (17:20), то есть нас — «не от мира», но Он посылает их «в мир». Христиане должны быть «не от мира, но в мире» — активно действовать в мире, в то же время не принадлежа ему.

Перечисляя различные взгляды христиан на эту проблему, Нибур описывает позицию лютеран как «парадокс Христа и культуры». Лютеране называют это учением о *двух царствах*. Согласно ему, Бог управляет и культурой и Церковью. Однако управляет Он ими по-разному.

Лютеранское богословие учит, что Бог царит над всем сущим — от мелкой птички до движения облаков, от душевных порывов каждого человека до судеб целых народов. Так называемое «мирское» подвластно Ему так же, как и духовное.

Его власть и попечение простираются и на неверующих. Они подвластны Его нравственному Закону, сдерживающему грех и его последствия. Не будучи связана таким образом, человеческая склонность ко греху разрушила бы всякие отношения. Выпущенный на свободу грех сделал бы невыносимыми сотрудничество и взаимные связи, необходимые в обществе. Существование самой культуры стало бы невозможно. Посему Закон Божий проявляется в нашей совести, сдерживающих общественных началах, юридических структурах и нравственных нормах, которых придерживаются все культуры.

В промышленности Своем Бог равно заботится о верующих и неверующих. «Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Матф. 5:45). Сила Его промысла действует через жизнь и работу обычных людей. Он скрывается даже за теми, кто Его не признает. То есть, как мы видели, Он действует через наше призвание. Все творение составляет Его царство.

Но у Бога есть и другое царство — спасения и благодати. У Него особые отношения с теми, кого Он пришел спасти, собирая их в Церковь, водимую Им через Святого Духа. В Своем земном царстве Бог правит силою, в духовном — любовью. Божие земное царство подчинено Закону, духовное — Евангелию.

Христиане живут в обоих царствах. Потому они должны быть активными носителями культуры и своим призванием служить ближним, являя пример нравственности. Они также члены Церкви Христовой, оправданные по вере. В духовном царстве они лишь пассивно принимают благодать Божию. В земном же — активно трудятся во имя Божие. Христиане призваны жить в обоих пределах, будучи «в мире, но не от мира».

ЧТО ОЗНАЧАЮТ ДВА ЦАРСТВА

Учение о двух царствах несомненно побуждает христиан к активности. Лютеран часто обвиняют в проповеди излишнего послушания государству. Поскольку, как веруют лютеране, положение правителя делает его Божиим представителем, сопротивление несправедливому правителю можно понимать как сопротивление Богу. Если светские власти — это часть Божия царства, а Церковь призвана заниматься лишь духовными вопросами, может показаться, что лютеране пытаются удержать людей от критики своих правительств или от стремления к общественным переменам. Подобный взгляд на два царства является полнейшим недопониманием (даже если его придерживаются некоторые лютеране). Когда дело касается общественных и политических структур, нельзя забывать, что Бог есть Царь. Будучи проводниками Его деяний, земные институты подчинены Его Закону.

Главное назначение нравственных заповедей, сдерживать зло, по-особому приложимо к общественному злу. Правители и политические системы, нарушающие нравственные заповеди Божий, угнетатели своего народа, погрязшие в коррупции и явном грехе, попирают волю Божию и свое призвание. За нарушение Божиих заповедей они должны быть призваны к ответу. Быть гражданином — также призвание, посему христиане вправе ради социального, политического и культурного совершенствования общества порицать замеченное зло, в том числе и в своих правителях.

Несостоятельность обвинения лютеранства в терпимости к тирании (включая оскорбительные заявления о том, что лютеранская общественная теория сделала возможным приход к власти Гитлера) тщательно доказал Уве Симон-Нетто в своей книге «Сфабрикованный Лютер». В моей собственной книге «Современный фашизм» я попытался пока зать, что Гитлер, отвергавший Библию за ее «еврейство» и провозглашавший идеологию «триумфа воли», был если не антихристом, то, по крайней мере, антилютером. Немецкая церковь, поддержавшая национал-социалистов, к тому времени пребывала в состоянии культурной религии, уча, что культура главенствует над христианством, и сводя к нулю сверхъестественные утверждения Библии. Ортодоксальное лютеранство, основываясь на Библии и признавая «порабощенность воли», должно отвергать, и в лице исповедовавших свою веру отвергало подобное поклонение культуре, идолопоклонство и неповиновение заповедям Божиим²⁰.

Таким образом, политические воззрения остаются глубоко реалистическими, скептическими в отношении любой утопии. Ни одна система, созданная человеком, не достигает совершенства. Каждая из них подлежит нравственной критике, основанной на всеобщем надкультурном Законе Божиим. В то же время учение о призвании в Божием земном царстве поощряет общественную, культурную и

20 Подробнее о лютеранской оппозиции Гитлеру, см. жизнь и труды Германа Зассе, оказавшего сопротивление нацистам, вынужденного бежать в Австралию и ставшего одним из величайших конфессиональных лютеранских богословов XX века.

политическую активность. Граждане-христиане не должны питать иллюзий относительно созданиярая на земле собственными активными действиями, одновременно отстаивая и исполняя нравственные заповеди.

Учение о двух царствах реально освобождает христиан для плодотворной деятельности на светском поприще и разрешает дилеммы, часто преследующие их в общественной жизни. Нравственность, к примеру, зачастую считается основным делом религии. Посему противников аборта часто обвиняют в навязывании своей религии другим. Нравственные принципы подлежат изгнанию у народа, отделившего Церковь от государства. Однако с точки зрения лютеран нравственность — есть главное дело не Церкви, а земного царства.

Религия, взаимоотношения человека и Бога основаны не на Законе, а на Евангелии, в отличие от общественных отношений. Нравственные заповеди Божий записаны даже в сердцах неверующих (Рим. 2:14-15). Защита жизни — дело всех правительств в любой культуре, и христиане правы, выступая против абортот на нравственных основаниях. Это не насаждение религии, которое означало бы навязывание людям веры во Христа. Христиане вправе защищать жизнь и отстаивать прочие нравственные принципы посредством практических действий, политических комбинаций и издания законов, сотрудничая с неверующими союзниками.

Поощряя активную позицию и участие в общественной жизни, учение о двух царствах в то же время проводит четкую границу между Церковью и миром. Церковь не должна подражать культуре. Главная задача Церкви — провозглашение Благой Вести, а не насаждение Закона. Христиане свободны быть активными членами общества, относясь к нему критически, порицая грех и, в определенной степени, держась в стороне от бренности этого мира. «Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Евреям 13:14).

СМЕШЕНИЕ ДВУХ ЦАРСТВ

Проблемы возникают, когда происходит смешение двух царств, когда Церковь выполняет функции культуры или культура — Церкви. Что уместно в одной сфере, неприемлемо в другой. Труд с целью извлечения прибыли успешно применяется в экономике, а заключение под стражу правонарушителей — дело полиции. Но процветание Церкви заключается не в ее доходах, она не вправе лишать свободы тех, кто не повинуется ее учению. Церковь не имеет совершенно никакого права на инквизицию или священные войны.

Стремление «навязать» другим свои религиозные убеждения полностью противоречит Евангелию. Лютер настаивал на невозможности применения Церковью принуждения. Церковь не вправе нести меч — только Слово. «Церковный служитель, — говорит Густав Вингрен, — должен воздерживаться от любого земного оружия, от принуждения и жажды светской власти, ибо Слово противится применению любой внешней силы. Проповедник, полагающийся исключительно на внутреннюю невидимую силу Слова, истинно верен своему призванию». Война может быть справедливой и составлять чье-либо земное призвание, но религиозные войны как таковые, саму идею завоеваний во имя Христа Лютер считал крайней аномалией.

Христиане должны предпочитать страдания за веру, следуя на крест за Христом, защите своей веры силою. Вера есть дар Божий, деяние Духа Святого, совершаемый по благодати. Она не может быть навязана кому-либо властью или мечом.

Светские правители, напротив, применяют силу — «носят меч». Законная светская власть — не Церковь — может вести войну, принуждать к повиновению и наказывать преступников. При этом она не может указывать пастору, о чем проповедовать, или как-то иначе вмешиваться в служение Слова. Она должна защищать Церковь, неспособную к самозащите.

Смешение царств происходит при попытке земных властей копировать служение духовного царства. Я вспоминаю, как, еще не будучи лютеранином, слушал пастора, который видел решение проблемы преступности в освобождении всех заключенных. Ведь Иисус сказал, что Он пришел освободить пленных. Если мы действительно верим Библии, разве не должны мы понимать ее буквально? Если бы мы открыли двери тюрем, это так тронуло бы грабителей и убийц, что они немедленно прекратили бы свою преступную деятельность. Даже тогда это предложение показалось мне наивным. Теперь я понимаю, что оно означало бы смешение двух царств. Земное царство существует, чтобы исполнять закон, духовное — чтобы даровать прощение. Судья должен вершить правосудие, а не безусловную милость, присущую только Евангелию. Разумеется, снисходительность возможна и в суде при определенных условиях, однако суд не должен просто прощать преступников. Это может только Христос. Раскаявшийся преступник, обратившийся ко Христу, может получить полное прощение и быть принятым в Церкви. Но духовное обращение не освобождает преступника от наказания государством.

Смешение царств происходит также, когда земные власти присваивают себе права духовных. Проекты, претендующие на решение всех человеческих проблем, изменение природы человека и устранение последствий греха идеологическими и социологическими методами могут показаться весьма благонамеренными, но в реальности они почти всегда опасны. Величайшая насмешка истории состоит в том, что утопические попытки создать рай на земле оборачиваются адом. Таковыми оказались стремление к равенству Французской революции, обожествление государства фашизмом, диалектический материализм коммунизма, таковы лживые

обещания любой демагогии. Человеческие сообщества и власти по сути своей ограничены, обречены терпеть поражения и запятнаны грехом. Они являются местом человеческого и Божия служения, но никогда не станут раем. Единственный путь на Небеса — крест Иисуса Христа.

Церковь не может полагаться на силу, общественный престиж, риторические манипуляции и выдуманные человеком программы. Все что у нее есть — это Слово и Таинства, которые, хотя и могут показаться слабыми миру и богословским учениям славы, в действительности несут в себе животворящую силу Святого Духа.

Церковь и составляющие ее христиане должны принадлежать иному миру, фокусируясь на совершенной реальности Божия духовного царства, на Его власти над сердцами людей и на обетовании вечной жизни. Но все же христиане должны играть активную роль в этом мире через свои призвания, утверждая Закон Божий и участвуя в попечении Господнем обо всем сущем. Итак, оба полюса этого парадокса существенны. Те христиане, которые, погружаясь в мистические фантазии, забывают о своем долге служить ближнему и иметь активную жизненную позицию, пренебрегают требованиями земного царства. Отвергающие же веру в сверхъестественное ради общественной активности и прогресса, пренебрегают законами царства духовного.

Оба царства существуют одновременно в настоящем, а не в будущем (как если бы законы вечности действовали лишь после смерти, а общественная нравственность нужна была лишь до ожидаемого уничтожения государства). Каждый христианин — житель обоих царств и может действовать как в духовной, так и в мирской сфере. Христиане живут в таком напряжении, а порой и конфликте, поскольку грех и Сатана стремятся уничтожить и смешать обе сферы. Но Богу принадлежит полная власть над всем творением — Церковью и государством, верующим и неверующим, духовным и мирским.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ДУХОВНОСТЬ

«Христианин живет в призвании и в Церкви, — отмечает Вингрен. — Призвание есть конкретная форма Закона, а Церковь — конкретная форма Евангелия». И то и другое — аспекты жизни христианина. Всякий, кто познал евангельскую веру и деятельное мирское служение, всякий, кто сознательно живет в обоих царствах, обладает духовным равновесием, в котором мирское и духовное, нравственность и свобода занимают свое особое место.

Лютер так описывает простого человека скромной профессии, осознающего свое положение в обоих царствах:

«Пока он (сапожник или кузнец) крепко держится Слова веры, очищающего сердце, и слова познания, научающего его жить со своим ближним, все чисто для него, даже если во время работы руки его и тело покрыты грязью».

Чумазый рабочий чист в сердце своем верою во Христа. И наоборот, в его закопченном мире все чисто для него, поскольку и это часть Божия царства, в которое он был призван.

Перу Лютера принадлежат два богословских шедевра с как будто противоречивыми названиями: «*О рабстве воли*» — книга о рабах греха, о нашей неспособности спасти себя, о полной зависимости от благодати Божией; и «*Свобода христианина*», где он исследует высшую свободу, даруемую верою во Христа. Вторая книга представляет две парадоксальные идеи:

«Христианин является абсолютно свободным господином всего сущего, и неподвластен никому; Христианин является покорнейшим слугой всего сущего, и подвластен всем»²¹.

В духовном царстве совершенной свободы цари и крестьяне, богачи и нищие, мужчины и женщины всех культур и призваний равны перед Христом. Они свободны от требований Закона и этого мира. И все же, живя в земном царстве, они *добровольно* отказываются от своей духовной свободы для служения людям, жертвуют своими интересами ради ближних в призвании к любви и добрым делам. Повседневная жизнь преобразается, а вера и добрые дела оказываются сторонами одной и той же медали.

Нам часто кажется, будто высоко духовная жизнь — это сочетание мистических размышлений, сверхчеловеческой добродетели или сверхъестественной силы, преодолевающей любые преграды. В действительности духовная жизнь внешне выглядит весьма обыденно. Она включает в себя обычный опыт создания отношений, заключения брака и воспитания детей, усилий по решению личных и рабочих проблем. Учение о двух царствах подразумевает, что Бог сокрыт в обыденной повседневной жизни.

Потому «духовны» не только моменты сверхъестественного восторга. Человеческие отношения тоже духовны. Любовные утешения, часто обретаемые в браке, — высокое и святое переживание. Выступая в роли родителей, — защищая, наказывая, заботясь и любя своего ребенка, — вы необыкновенно близки к Богу, тайно присутствующему во всем, что вы делаете для своего чада.

21 Цит. по: Мартин Лютер. Избранные произведения. С.-Пб., 1994. С. 25. —Прим. ред.

Удовлетворение, получаемое от работы, также есть нечто духовное. Когда делаешь то, что у тебя лучше всего получается, когда работа или творчество так захватывает, что чувствуешь себя, как говорят, «в своей тарелке», то Бог, даровавший тебе твои таланты и призвание, скрывается неподалеку.

Мы встречаем Бога не только служа и работая, но и принимая Его дары через других. Любовь супруга, родителей или друга в подлинном смысле несет в себе любовь Божию. Пользуясь результатами труда других — обедая в ресторане, ремонтируя машину, посещая врача, снижая скорость при виде полицейского, покупая качественные товары, мы имеем основание благодарить Бога. Наслаждаясь произведением искусства: слушая музыку, читая роман или застыв перед живописным полотном, я вижу особенно яркие проявления Божия владычества в человеческих призваниях. Тот факт, что богоданные дары других людей, ни в коей мере не присущие мне самому, доставляют мне столь неизмеримое удовольствие, побуждает меня возносить хвалу. Не только художнику, но и Богу, беспредельно щедрому во всех Его дарах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

ПОКЛОНЕНИЕ БОГУ

Я помню, как мы с женой впервые побывали на лютеранском служении. Упорядоченная форма богослужения стала для нас совершенно новым опытом после привычных либерально-евангелических церквей. Однако нам это понравилось. Увиденное нами разительно отличалось от всего, что мы знали прежде. Происходившее в церкви определенно имело особое значение. Поэтому мы пришли и в следующее воскресенье. К нашему удивлению, община начала с пения. На этот раз служение совершалось не по розданным брошюрам, а по книге в красной обложке, чередовались молитвы, фрагменты Писания и старинные гимны. Пастор в особом одеянии, отпустив грехи, осенил общину крестным знаменем. Литургия достигла своей кульминации в проповеди и Святом Причастии, когда прихожане, благоговейно преклонив колени, принимали от пастора тонкие облатки. Нам казалось, что мы вернулись в Средние Века.

Впоследствии мы узнали, что первое богослужение, показавшееся нам столь строгим, было для этой церкви *неформальным*. Раз в месяц они позволяют себе отступить от традиционного лютеранского литургического порядка, которого придерживаются в остальное время. Позже я заметил, что, несмотря на попытки найти менее строгий стиль поклонения, лютеранские богослужения в итоге остаются упорядоченнее почти всех остальных.

Духовность лютеран воплощена и осязаема в их поклонении. Дело в том, что хотя я говорил о таких личных вещах как оправдание и призвание, невозможно быть лютеранином вне Церкви. Закон и Евангелие, спасительные Слово и Таинства, пасторское призвание и реальное присутствие Христа оживляют каждую минуту литургии. Каждую неделю при поклонении христианин участвует в Божественном действе, принимая Таинство даров Христовых.

ТАЙНА СВЯТОСТИ

После многих месяцев поклонения в этой церкви, я наконец понял, чем она отличается от других. В ней я пережил ранее незнакомое мне ощущение святости. Одеяния, обряды, интерьер, музыка «отделяли» происходящее от обыденной жизни. «Святость» в буквальном смысле означает «отделенность», а в Америке, с ее стремлением к равенству, с легкомысленностью и терпимостью, нет ничего обособленного или, как часто говорят, ничего святого. Однако постепенно я понял, что церковь — место, где можно найти святость. То, как пастор кланялся кресту и Слову Божию на алтаре, то, как община в определенные моменты вставала и преклоняла колени, величественность литургического языка убедили меня, что здесь происходит нечто особое, нечто необычайное.

В кульминации службы — Святом Причастии — тайна святости становится осязаема. Мы с женой знали, что не можем принимать Причастие. Мы не могли приобщиться к Телу Христову, не понимая в точности, что при этом совершается, не будучи приняты в общину после тщательного наставления. Все остальные церкви, где мы бывали ранее, не придавая столь большого значения Таинствам, не заботились о том, кто может принимать Причастие. Закрытость Причастия и строгие правила лютеранской общины не оттолкнули меня. Подобная практика была для меня непривычна, но она лишь усиливала ощущение грандиозности происходящего в Таинстве. Наблюдение за тем, как причащающиеся подходила к алтарю, преклоняли колена, принимая то, что по словам пастора есть «истинное Тело Христово, за вас предаваемое», и возвращались к своим скамьям часто с преображенными, восторженными лицами, помогло мне принять окончательное решение.

Многие подшучивают над лютеранами, да и сами они часто шутят по поводу отсутствия эмоций в их поклонении. Конечно, лютеранские служения носят объективный характер. Возникает чувство, что благодать действует вне твоих ощущений, и это резко отличается от более субъективного стиля, предпочитаемого другими богословскими учениями. Лютеранское поклонение сосредоточено на Боге, а не на людях. Однако я нахожу лютеранское литургическое служение весьма волнующим. Оно заставляет меня испытывать глубокие

переживания — не в виде спонтанных эмоциональных всплесков, но как ответ на нечто реальное.

Богослужения, а также глубина и богатство) проповедуемого учения, о котором я стал мно)го читать, показались нам столь привлекательными, что мы решили вступить в общину. Это оказалось не так просто. Прошло несколько недель, прежде чем мы поняли, что не будет приглашения к алтарю, и что наше вступление потребует больше, нежели выйти вперед и «принять благословение общины». Нам предстояли долгие месяцы занятий, таких же сложных и глубоких, как курс аспирантуры, который я только что закончил, и узнать действительно пришлось очень многое.

Наконец, мы были приняты в общину и впервые участвовали в Вечере Господней. Позднее была крещена наша новорожденная дочь. Мы продвигались все дальше и дальше.

РАЙ НА ЗЕМЛЕ

Лютеранское поклонение погружает прихожан в Слово Божие. Лекционы, ответные слова общины, великолепные фрагменты служения, такие как *Introuitus* и *Kugie*, — не «пустые повторения», как уверяют наши критики. Это истинные библейские слова. Лютеранские гимны — не способ выражения эмоций, скорее, они представляют собой серьезное доктринально-художественное осмысление библейского текста. Символ веры и молитвы основаны на Писании. Проповедь лютеранского пастора никогда не превращается в зажигательные речи моралиста, размышления на тему происходящих событий или лекцию по популярной психологии, но неизменно провозглашает Закон и Евангелие по установленным текстам. Святое Причастие, в свою очередь, является повторением Вечери Господней, как она описана в Новом Завете. Слово Божие пронизывает лютеранское поклонение и является средством благодати.

Австралийский богослов Джон Кляйниг сказал, что поклонение — это не что иное, как переживание рая на земле²². Мы видели, что попытки земных царств построить рай на земле оборачиваются бедствием. Но Церковь, как часть того же духовного царства, что и на Небесах, каждое воскресенье соединяет Небеса с землею. Во время поклонения мы уподобляемся святым на Небесах, входя в присутствие Божие.

Обращаясь к библейским учениям о поклонении, от Храма до новозаветного поклонения Христу (Евреям 10 и 12), пастор Кляйниг отметил, что во время церковного служения мы поклоняемся вместе со святыми и Ангелами на Небесах. Жертва Христова открывает нам доступ к Богу. Поскольку мы во Христе, в глазах Божиих мы также святы, как Иисус, и Он слышит все наши молитвы, как если бы они исходили от Иисуса. Посему мы можем войти во Святое Святых, в присутствие Божие, — что произойдет на Небесах, и что повторится каждое воскресенье.

По словам пастора Кляйнига, нам не нужно ждать смерти, чтобы понять свои отношения с Богом. В начале служения мы исповедуем свои грехи, слышим Благоую Весть и получаем прощение грехов. Пастор по своему призванию действует «от имени и по повелению Христа», и потому мы слышим Его решение: «Прощены».

В служении Слова Бог обращается к нам через Писание, и Дух Святой созидает веру в наших сердцах. Восхваляя Бога в гимнах, псалмах и прославлениях, мы присоединяем свой голос к голосу каждого христианина и каждой церкви и, более того, к голосам всех искупленных на Небесах — от древних мучеников до наших друзей и родных, ныне пребывающих со Христом.

Как священники Ветхого Завета омывали себя перед входом в священные пределы Храма, христиане омыты Крещением. Как священников освящала кровь жертвенных животных, христиане принимают Кровь Христову в Вечере Господней. Даруя нам Свои Тело и Кровь в хлебе и вине, Он так же реально пребывает с нами, как на Небесах или со Своими учениками. Более того, при поклонении Иисус доступнее для нас, чем был для Своих учеников. Он ближе к нам, ибо мы соединены с Ним на кресте.

Духовность креста отрицает любой морализм, но вдохновляет к самоотверженному служению. Крест развеивает рационалистические домыслы, утверждая истину откровения со всеми ее неизреченными тайнами. Крест противостоит бесплодным поискам мистических переживаний, возвышая бесславное, обыденное, даже мучительное, но через Слово и Таинства предлагающее истинное единение со Христом.

Духовная жизнь, в которой Бог совершает за нас все, может показаться кому-то слишком легкой и неправдоподобной. Но совсем нелегко быть сокрушенным Законом, противостоять своей собственной природе, преодолевать испытания и страдания. С другой стороны, это действительно легко, следует лишь принять дары Христовы. Ведь Благая Весть прощения и благодати на кресте, как сказано в катехизисе, — «непреложная истина». Эта истина — не интеллектуальное суждение, а живая вера, проявляющаяся в искреннем поклонении, в любви к ближнему, в мелочах повседневной жизни.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

ПЕРВЫЕ ЕВАНГЕЛИЧЕСКИЕ ХРИСТИАНЕ И ДРУГИЕ ЦЕРКВИ

---

22 Представление о точке зрения пастора Кляйнига я получил во время его выступления в Америке, в лютеранской церкви Elm Grove в Висконсине.

Эту статью я написал для журнала Touchstone (май—июнь 1998) под достаточно внушительным заголовком «Евангелические католики и конфессиональные Евангелические христиане. Экуменические антиподы Лютеранства».

В статье определено место лютеранства в ряду других христианских традиций, описано нынешнее состояние дел в лютеранской церкви и предложены различные пояснения, которые могут оказаться полезными. Моей первой мыслью было включить этот материал в книгу, но его тон и подход к проблеме показались мне иными, и я решил сохранить его как отдельную статью. В таком виде я и выношу ее на ваш суд.

Представьте себе церковь одновременно евангелическую, провозглашающую благодатное прощение грехов по вере в Иисуса Христа и приверженную таинствам, в центре духовной жизни которой живительные воды Крещения и реальное присутствие Христа в Святом Причастии. Представьте также, что эта церковь глубоко укоренена в Писании, но также предпочитает интеллектуально точную и неизменно традиционную стройную богословскую систему солипсизму индивидуального толкования. Представьте себе церковное служение, объединяющее в себе глубокую проповедь и историческую литургию. Представьте, что эта церковь имеет богатые исторические и духовные традиции, но не страдает законничеством. В общем, представьте себе церковь, вобравшую все лучшее, что есть в Протестантизме и Католицизме. И, наконец, представьте себе, что эта церковь — не маленькая незаметная секта, но одно из крупнейших в мире христианских сообществ.

Именно о такой церкви, возможно, мечтают многочисленные христиане, недовольные как пустотой либерального богословия, так и поверхностным американским евангелизмом. Такая церковь существует. Она известна под совершенно не соответствующим ей именем «лютеранская».

Во всем мире насчитывается около 60 миллионов лютеран, составляющих крупнейшую протестантскую конфессию. В Соединенных Штатах примерно девять миллионов лютеран, а в Африке и Азии — по пять миллионов. В Бразилии их около миллиона, кроме того, лютеране преобладают в Папуа Новой Гвинее. В Соединенных Штатах насчитывается столько же лютеран Синода Миссури (2,5 миллиона), сколько членов Епископальной церкви.

И тем не менее, лютеранская церковь мало известна американским христианам. Католики, баптисты, харизматы, кальвинисты и епископалы широко представлены в теологических дискуссиях, в опросах общественного мнения и публикациях христианских изданий, а лютеране с их особым взглядом на все, от спасения до политики, остаются в забвении.

Билли Грэм назвал лютеранство «спящим великаном». Тот факт, что лютеране невидимы для внешнего мира, или, перифразируя слова Лютера, сказанные о Боге, сокрыты, отчасти их собственная вина, а отчасти — результат теологического конфликта с американской культурой. Однако лютеранство может многое предложить христианскому миру. В составе лютеранской церкви, которая неизменно следует своему тщательно разработанному учению, не все деноминации одинаково успешно сохранили свою ортодоксальность. Но, что важнее, лютеранское богословие — и духовность — в живом противостоянии уравнивает и решает разделяющие богословские противоречия.

ПАРАДОКСЫ

Характерной чертой лютеранского богословия является подтверждение парадоксов. Кальвин и Арминий строили свои богословские системы, стремясь рационально объяснить противоречивость библейских истин. Лютер же разрабатывал свое учение, комментируя Библию, следуя Писанию, куда бы оно ни привело, исследуя наиболее глубокие из его противоречий — Закон и Евангелие; Христа как истинного Человека и истинного Бога; христианина — одновременно святого и грешника; оправдание по вере и возрождение в Крещении; Святое Причастие как реальное присутствие Христа в материальных хлебе и вине.

Лютеране не только отстаивают как «евангелические», так и «католические» идеи, их взгляд на парадоксы позволяет разрешать проблемы, разделяющие протестантов. Кальвинисты настаивают на спасении исключительно по благодати, проповедуя двойное предопределение; арминяне полагают, что потенциально каждый из нас может быть спасен, подчеркивая таким образом полную свободу воли. Лютеране уделяют больше всего внимания благодати, тому, что Бог совершил все для нашего спасения Своею смертью на кресте, и Его Дух проникает в нашу жизнь через Слово и Таинства — средства благодати. Но Иисус умер за всех, потому каждый может быть спасен. Лютеранство утверждает лучшее, что есть в кальвинизме и арминянстве, избегая исключительности одних и склонности к пелагианству других. Харизматы подчеркивают особую роль Святого Духа, как и лютеране, для которых, однако, Дух живет и действует не в причудливых человеческих эмоциях, но более ощутимо и реально в Слове и Таинствах. Лютеране строжайшим образом придерживаются своих учений, не допуская при этом сепаратизма и законничества. Лютеранское учение о культуре говорит о *двух царствах*, не позволяя мирскому поглотить духовное, и наоборот. (Этим можно объяснить тот факт, что зачастую лютеране кажутся сосредоточенными исключительно на внутренней жизни, но в то же время ведут себя легко и свободно; что они консервативны, но аполитичны; и что на их церковных трапезах часто присутствует пиво.)

Лютеранство, с его таинствами и литургическим поклонением в сочетании с приверженностью Библии и проповеди Благой Вести, могло бы послужить связующим звеном между различными ветвями Христианства. Но, разумеется, все не так просто.

Поскольку лютеранство представляет собой «евангелический католицизм» (термин, применяемый многими приверженцами лютеранства), его парадоксы делают его мишенью для нападок со всех сторон. Евангелические церкви считают лютеранство «слишком католическим», высмеивая то, что они называют мертвыми формами, устаревшую музыку и древнюю литургию. На более глубоком уровне им трудно понять убежденность лютеран в спасении по вере, сочетаемую с уверенностью в возрождающей силе Крещения, или примириться с провозглашением пастора о прощении грехов общины. Католики (и православные) не делают различия между лютеранами и другими протестантами, при этом обвиняя лютеран в том, что они начали «раскол» в Христианстве.

Внутри протестантизма кальвинисты нападают на лютеран за «недостаточно последовательную Реформацию», за сохранение папистских обрядов и идолопоклонство. Арминиане обвиняют лютеран в отрицании свободы воли и в склонности к антиномизму. Харизматы полагают лютеран слишком «холодными», а фундаменталисты заявляют, что лютеране сильны в учении, но слабы нравственно.

Разнообразные нападки вынуждают лютеран к активному противодействию. Лютеране обличают арминиан в отрицании предопределения, а кальвинистов — в учении о двойном предопределении. Католики и харизматы схожи во мнении, будто Святой Дух являет Себя через людей, помимо Слова. Фундаменталисты же склонны к законничеству. Фактически, многие лютеране отнюдь не считают себя протестантами.

По сути дела, лютеранская система подобна строению в стиле барокко, которое скреплено строгой приверженностью доктрине, неустанно поддерживающей каждый из ее элементов. Англиканская церковь пытается найти *via media* — нечто среднее между католицизмом и протестантизмом — посредством компромисса, всеобщего согласия и терпимости к различиям. Лютеране, напротив, избирают полярность. Каждый из полюсов парадокса следует поддерживать и подчеркивать. То что Честертон сказал о парадоксах христианства в своей *Ортодоксии*, имеет особое отношение к лютеранскому богословию: «Нам нужен не сплав или компромисс, но все стороны в высших своих проявлениях — пылающие любовь и гнев». Христиане не рассматривают природу Христа или нравственное состояние человека с точки зрения золотой середины Аристотеля. Вместо этого «христианство решило проблему объединения непримиримых противоположностей, сохранив каждую из них в ее непримиримости».

Так лютеране в равной степени ценят и Таинства, и Евангелие. Англиканство, даже в лучшие его времена, всегда казалось европейским лютеранам всего лишь разновидностью реформированного кальвинизма, поскольку его установки слишком слабы, чтобы признать реальное присутствие Христа. Евангелические христиане перестают быть таковыми, попадая в ловушку «богословия решений» и морализма, не доверяя Богу совершать в буквальном смысле все необходимое.

Таким образом, лютеранское богословие, в определенном смысле охватывающее весь диапазон христианской духовности, все же стоит особняком, обладая духовными традициями, чуждыми другим церквям. Возьмем, к примеру, противопоставление лютеранами *богословия креста*, согласно которому Бог являет Себя в слабостях, поражениях и неудачах, так называемому *богословию славы* с его претензиями на власть, победу и земной успех. Другим примером может служить Слово Божие, воспринимаемое не как источник информации, но как действенная благодать; или утверждение, что Бог скрывается в том, что, казалось бы, противоречит самой Его природе, — физических элементах Таинств, в унижениях и поражениях, во всем, что кажется наиболее мирским и недуховным. Или радость христианской свободы в Евангелии.

ЛЮТЕРАНСТВО В АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Проникнув в Новый Свет вместе с иммигрантами, подобно католицизму и православию, лютеранские церкви всегда оставались в определенной культурной изоляции, неизменно осознавая свое отличие от преобладающего американского протестантизма. И хотя немецкие лютеране, прибывшие в Пенсильванию в колониальные времена, и скандинавские лютеране, расселившиеся в штатах Среднего Запада, привезли с собою свои церкви, была еще одна группа, прибывшая совсем с другой целью.

В Германии XIX века князь эпохи Постпросвещения пытался объединить различные протестантские группировки в единую екуменическую государственную церковь. Кальвинистов и лютеран понуждали отказаться от своих доктринальных отличий и совместно образовать «Евангелическую и реформатскую» церковь. (Термин «евангелическая», подчеркивающий центральное место Евангелия, — название лютеранства, предпочитаемое европейцами, в противоположность «Реформатам» кальвинистам. Таким образом, лютеране стали первыми евангелическими христианами, возможно, вобравшими в себя всю суть этого понятия.) Подобные государственные церкви — плод нового либерального богословия, зародившегося в немецких семинариях, — несли рационалистическую культурную религию, проповедуя вместо Благой Вести новые сельскохозяйственные приемы и общественный прогресс. С обычной немецкой тяжеловесностью, пасторы, противившиеся объединению, наказывались тюремным заключением, а так называемые «старые лютеране» подвергались гонениям. Многочисленные общины приверженцев классического лютеранства оставляли все и перебирались в Америку. (Значительное их число также обосновалось в других краях — Австралии, Африке и

Бразилии.)

Эти общины образовали более консервативные лютеранские деноминации, такие как Синод Миссури и Синод Висконсин, чьи названия отражают их историческое происхождение и деноминационное устройство. Такие церкви, благодаря своей истории, более чем какие-либо другие настороженно относились к экуменизму. Подобно католикам, такие лютеране, понимая, что мирской протестантизм, заполнивший государственные школы, враждебен их вере, основали широкую систему приходских школ, дабы воспитать детей сообразно своей вере. Таким образом, эта ветвь лютеранства противостояла ассимиляции с основным направлением американской религиозной жизни. Опираясь на свое учение о *двух царствах*, они прекрасно приспособились к американской общественной и экономической жизни, однако их церковь осталась в стороне от религиозного «возрожденчества», проповеди общественных преобразований и религиозного индивидуализма, присущих американской религиозной жизни.

Но поскольку одной из особенностей американского лютеранства был сепаратизм, другой полярной тенденцией неизбежно стало стремление приспособиться. Лютеране колониальных времен и многие скандинавские переселенцы не были так строги в своей вере, как лютеранские беженцы. Сразу после своего переселения они начали задумываться о том, насколько им следует приспособляться к религиозной жизни новой родины. Известный богослов XIX века Самуил Шмукер даже внес поправки в Аугсбургское вероисповедание, приспособляясь к новым тенденциям церковного «возрожденчества» и более «реформатскому» взгляду на Таинства. В то время как это направление увлекло многих лютеран, другой богослов, Карл Крауз и движение, схожее с оксфордским в англиканстве, боролись за возрождение конфессиональности и литургического служения.

До сих пор американские лютеране продолжают колебаться между сепаратизмом и стремлением приспособиться. Исторически лютеранские деноминации Америки склонялись в сторону основных религиозных течений, но затем вновь вернулись к своим отличительным особенностям.

На протяжении этого века²³ Лютеранская церковь Синода Миссури (ЛЦСМ) пережила особенно тяжелую «гражданскую войну». Семинария в Сент-Луисе последовала за основными течениями протестантизма в своем взгляде на Писание, применяя историко-критический метод, подрывающий авторитет Библии, и принимая другие учения либерального богословия. В 70-х вспыхнула «библейская битва», в которой консерваторы призвали к ответу «умеренных» — приверженцев нетрадиционного взгляда на Библию. Последние предпочли разделение — основали собственную семинарию, вынудив каждую общину сделать выбор в пользу той или иной стороны. В отличие от других церквей, ушли либералы, а консерваторы сохранили контроль в Синоде (вместо того чтобы уйти, как это случилось в других церквях).

Сегодня ЛЦСМ вновь приходится сталкиваться с той же проблемой, только теперь в американской религиозной жизни преобладает не либерализм, а «евангелизм». Многие лютеранские церкви отбрасывают литургию и свои отличительные убеждения, они стремятся подражать евангелическим церквям, заимствуя у них приемы количественного увеличения общин, исполняя «песни прославления», проповедуя популярную психологию и все более удаляясь от своего духовного наследия в сторону общего американского протестантизма.

В то же время, исход «умеренных» из ЛЦСМ послужил толчком к объединению более либеральных лютеран страны. Появившаяся в результате этого Евангелическая Лютеранская церковь Америки (ЛЦА) продолжает следовать за основными направлениями протестантизма. Рукоположение женщин, поддержка политических деятелей левого крыла и экуменические устремления делают их все более и более похожими на общий американский либеральный протестантизм.

Кое-где уже трудно встретить истинных лютеран, несмотря на огромное количество лютеранских церквей. Но, как это было прежде, маятник, возможно, начинает двигаться в обратном направлении.

ЛЮТЕРАНСКИЙ КОНФЕССИОНАЛИЗМ

В настоящее время в лютеранских кругах зарождается новый конфессионализм. Тогда как многие лютеране избирают путь американского евангелизма, применяя группы прославления и кодоскопы, другие возрождают историческую литургию с традиционным пением и крестным знаменем. Многие приходы возобновили старинную лютеранскую практику частной исповеди и отпущения грехов.

Наиболее строгих конфессиональных лютеранских пасторов можно узнать по черным рубашкам и белым воротничкам — традиционному пасторскому одеянию до тех времен, когда они заимствовали американский стиль — пиджак и галстук. (Воротничок присутствует в одежде всех лютеранских пасторов; наиболее активные приверженцы лютеранства носят его практически все время.)

Подобный конфессионализм может показаться угрожающим. Закрытое Причастие (принятие Вечери Господней только с теми, кто полностью разделяет их учение), признание авторитета пастора, тщательное обучение новообращенных катехизису и строгие установления (такие, как запрещение проводить свадьбы во время Великого поста и произносить хвалебные речи на похоронах), отталкивают многих представителей легкомысленной американской культуры. Но конфессионализм не означает консерватизма. (При возникновении разногласий по поводу Библии в ЛЦСМ сторонники почти католического формализма склонялись к

23 Имеется в виду XX век. — Прим. ред.

либеральным взглядам; в настоящее время, придерживаясь ортодоксального учения, они противостоят евангелическим фундаменталистическим тенденциям внутри церкви.)

Лютеране допускают определенную свободу в обряде, в то же время настаивая на полном доктринальном согласии (в отличие, например, от Англиканской церкви, которая придает особое значение единообразию поклонения, проявляя терпимость к доктринальным разногласиям). Консервативные группы, включая Синоды Миссури и Висконсин, остаются строго «конфессиональными» в своей приверженности исповеданиям, сформулированным в Книге Согласия, хотя в настоящий момент в них кипят непрерывные споры вокруг форм поклонения. Тот факт, что эти формы отражают внутренние убеждения, становится все более очевидным, при этом и в консервативных лютеранских кругах выявляются серьезные недостатки. Большинство лютеран сегодня занимают различные позиции в широком спектре между двумя крайностями: вульгарной неформальностью и строгим формализмом.

При этом особенно важно, что пасторы, наиболее горячо приверженные своей вере и возрождению лютеранских традиций в учении и поклонении, часто встречаются среди недавних выпускников семинарий. Новое поколение пасторов, очевидно, более всего озабочено возвращением к лютеранским особенностям.

Одновременно ряды лютеран пополняются за счет евангелических христиан, разочаровавшихся в своих громадных церквях и идеях общего американского протестантизма, христиан, ищущих содержательного поклонения и богословской глубины. К ним присоединяются католики, которых пугает современный либерализм собственной церкви, и бывшие атеисты, пришедшие ко Христу через обличение Закона и возрождение в Евангелии.

Истинные лютеране не принимают экуменизма. Они никогда не станут членами Национальной евангелической ассоциации или Всемирного совета церквей. Лютеранские институты столь обширны, — включая целую сеть школ, университетов, издательств и других церковных служб, — что они могут позволить себе оставаться в изолированной самодостаточности. И хотя ЛЦА предлагает экуменический диалог реформатам, англиканам и даже католикам, утверждая, будто им удалось достичь согласия с Римом относительно оправдания по вере, эта инициатива никогда не получит поддержки Синодов Миссури и Висконсин. (Следует отметить, что и внутри ЛЦА растет конфессиональное движение, вступающее в противоречие с правящей бюрократией.) Настороженность лютеран в отношении экуменизма, и особенно в отношении «христианства по-американски» удержала их в стороне от основного течения, но в то же время позволила сохранить относительную верность своим учениям.

Истинный экуменизм должен не лишать христианство его особого содержания, но утверждать то, что ему наиболее свойственно, то «наиболее христианское», что есть во всем спектре христианской веры — от традиционного католицизма до фундаментального протестантизма. Лютеранство, сторонясь экуменизма как такового, предоставляет основание — или скорее набор противоположностей — для его осуществления.

Многие конфессиональные лютеране называют себя «евангелическими католиками». Их католицизм состоит в традиционных убеждениях, поклонении и приверженности Таинствам, а их евангелическая сущность — в их вере, что крест Христов принес нам спасение по благодати для жизни в христианской свободе. Другие называют себя «конфессиональными евангелическими христианами», вступая в союз с христианами-реформатами и призывая нынешних евангелических христиан к более глубокому историческому исповеданию веры, отвергнутому Реформацией. С точки зрения лютеран, католики нуждаются в евангелическом возрождении, а евангелические церкви — в исторических традициях. Богословские средства решения обеих этих задач содержатся в томе, названном соответственно *Книгой Согласия*.

ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Данная книга лишь едва коснулась глубины лютеранской духовности. В следующем далее перечне я предлагаю несколько книг для тех, кто хотел бы продолжить изучение данной темы. Разумеется, наилучшим способом изучения лютеранского богословия является чтение трудов Мартина Лютера — выдающегося богослова и великолепного писателя. Его работы наполнены глубокими духовными размышлениями, содержащими и обличения, но всегда с присущим ему чувством юмора, честностью в описании собственных мучительных исканий и необыкновенно четким видением Святого Писания. Хорошим началом может стать чтение его библейских комментариев, например, на послания к Галатам и к Римлянам.

Другим полезным источником является собрание лютеранских исповеданий, известное как *«Книга Согласия»*. Особенно важны Лютеровский Большой катехизис и содержащий простейшее, но неисчерпаемо богатое лютеранское наставление Краткий катехизис.

Кроме того, далее я укажу несколько трудов, повлиявших на написание этой книги и мои собственные убеждения. Любой пастор сможет порекомендовать вам дополнительную литературу, будучи сам по себе ценным источником информации.